

КАМИЛЛА РЭЙ

КУЛИЗАН

2019 УЧИЛКИ

Камилла Рэй

Хулиган для училки

<https://litres.ru/74220332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маша Смирнова вернулась в родной городок после развода — с ребёнком, тоской и надеждой начать всё с чистого листа. Теперь она — учительница. Её главная головная боль — вредина из 2 «Б», которого воспитывает Николай Колотов. Тот самый Колотов, который когда-то дёргал её за рыжие косы и доводил до слёз. Только теперь он — не мальчишка, а мужчина с наколками, диким взглядом и котёнком в кармане куртки.

Он не узнал её сразу. А она не знала, что за грубой внешностью скрывается одинокий отец, готовый на всё ради племянника. Им предстоит пережить ссоры на школьном пороге, смешные неудачи с воспитанием и морозные вечера за разговорами. Но самый сложный урок для них обоих ещё впереди — урок любви. Смогут ли бывшая отличница и вечный двоечник поставить друг другу «пять»?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Камилла Рэй

Хулиган для училки

Глава 1

— Ты куда гонишь, разрисованный? Совсем, что ли, не видишь, что я тут иду?!

Я ошарашенно наблюдал, как девчонка в оранжевом пуховике будто апельсин на снегу и с капюшоном, надвинутым на самые брови, дубасила кулачками по капоту машины моего клиента. Точнее, не кулачками, а каким-то пакетом, не сразу понял.

Что за истеричка? Да ещё такая... энергичная. Таких оголтелых фурий я здесь, в нашем сонном городишке, давно не встречал. И этот пуховик... Яркий, противный, слепит глаза. Ладно, каюсь: не заметил её на переходе. Маленький населённый пункт, светофоров тут отродясь не было, народ по проезжей части ходит, где вздумается. А я отвлёкся на сообщение в телефоне — напоминание из школы по поводу моего племянника, которого я растил с пелёнок. Он опять что-то натворил. Я как раз собирался проверить ма-

шину клиента и ехать разбираться. И вот эта дикая бестия явно не входила в мои планы.

Я приоткрыл окно, слегка высунулся и процедил сквозь морозный пар:

— Эй, дикая кошечка! Закончила сеанс битья посуды о тачку? Если кости целы и ушибов нет — а я тебя, между прочим, даже не задел, — позволь, поеду. Дела горят.

И тут в свете фар я увидел её взгляд. Уххх... И вправду бестия. Большие, распахнутые глаза. Серо-зелёные, как мох на камне у реки. Интересно, сколько ей лет? Я вообще с дамами моложе двадцати пяти стараюсь не связываться — не моя лига. Но вот эта... что-то во мне ёкнуло. Сердце завололось с полуоборота, будто мотор после долгого простоя. И чёрт бы побрал этот дурацкий пуховик и её дикий нрав — глаза-то у неё... Красивые. Непривычно красивые. И что-то до боли знакомое.

Хотяя... Нет, не может быть. Из школьной глухомани всплыло воспоминание: у Машки Ивановой, тихони — отличницы из параллельного класса, были такие же совиные глаза, вечно прикрытые очками. Я, заворожённо, наблюдал, как истеричка, только что колотившая по железу, демонстративно фыркнула, повернулась и засеменила прочь — как раз в сторону школы. Наверное, туда.

«Интересно, сколько ей лет? — машинально подумал я, заводя заглухший двигатель. — Городок у нас маленький, пятнадцать тысяч населения... Разберёмся. Найду, кем ты приходишься этой самой Машке, может родственница. Только бы, конечно, не малолеткой оказалась...»

Так, двинулся дальше. Машина всё ещё вибрирует — не нравится мне, как звук до конца лёг. Надо будет её подлатать. Пожалуй, сделаю это сам, а не оставлю работу ребятам. Если что, Жеку, своего племянника, возьму с собой в бокс. Но всё это после школы.

Я выдохнул и повёл машину дальше, уже не отвлекаясь. Включил громкую связь на вибрирующем телефоне, даже не глядя, кто звонит.

— Кто? — буркнул я. Получилось грубее, чем я хотел.

— Колечка, ты что такой злой? Ну, когда я получу свой новенький телефончик, как ты мне обещал? — в динамике зазвенел знакомый, сладкий голос. Лена — моя бывшая.

Я выдохнул, закатил глаза к небосводу и припарковался у обочины.

Лена была... неужённая. Мы расстались месяц назад. Я вёл себя, как мне казалось, по-мужски: объяснил, что сейчас не готов к серьёзным отношениям. Хотя какие там «серьёзные»... Полгода встречались, но сложно это назвать отношениями. Мы просто проводили приятное время. Я дарил подарки, помогал с деньгами — её всё устраивало. Я даже пытался вывести это на что-то большее, потому что она мне нравилась: симпатичная, мозг особо не пилила, делала то, что просил, но я её не любил. Она была... удобна. И, наверное, я был удобен ей.

Всё стопорилось, когда дело касалось Жеки. Он для меня как сын. А Лена в его присутствии становилась какой-то натянутой, фальшивой. Второклассник Жека, с его детской прямоотой, однажды выдал: «Дядь Коль, Ленка тебе не подходит. Давай лучше кота пушистого заведём».

Что ж, на следующий день я поговорил с Леной, подарил ей «на прощание» последний дорогой презент и привёз Жеке котёнка прямо в кармане. Казалось бы, точка.

Но вот уже месяц Лена периодически звонила. А сейчас я слушал, как она промывает мне мозги: я, оказывается, дурак, должен был «отдохнуть» и вернуться, и ещё я ей что-то должен... Про какой-то телефон? Месяц назад я же купил ей новейшую модель! Меня вот в моем, справившем четырех-

ление буквально в этом месяце, устраивало все. Главное — звонил и в мессенджеры заходил.

У меня в голове начинало пылать. Обижать её не хотелось, но тут телефон снова завибрировал — напоминание из школы. Я спохватился.

— Лен, давай потом! — сказал я в трубку и положил её, даже не дослушав.

Газанул в сторону школы. Теперь уж точно не успею вернуть клиентскую машину в бокс и пересесть на свою. Ладно, поеду на этой развалюхе. На всех парах, под скрежет неправильно собранного глушителя, я подлетел к школе, вырулил на стоянку и почти вбежал в здание. Надеюсь, что опоздал ненамного.

Вахтёрша, Зоя Леонидовна — та самая, что работала здесь ещё когда я сам бегал по этим коридорам, — с улыбкой пропустила меня. И странно так на меня посмотрела. Мне даже показалось, что она подмигнула.

Я залетел в кабинет 308, готовый извиняться, молить о прощении и валяться в ногах.

— Простите, я очень задержался, были неотложные...

И замер.

Прямо передо мной, держа в руках тот самый огненно-рыжий пуховик, стояла миниатюрная девушка. Без капюшона на голове и с небрежным пучком рыжих волос. На меня удивлённо смотрели огромные, узнаваемыми с первого взгляда, серо-зелёные глаза.

Ох ты ж блин. Это она, та самая, что дубасила мою тачку.

Но самое ужасное было не это.

— Колотов?!

— Иванова?!

Глава 2

— Я давно уже не Иванова! — отрезала она, и её глаза вспыхнули тем самым зелёным огнём, который я уже видел на улице.

— Так это ты тачку дубасила? — у меня вырвалось само собой. Я в растерянности огляделся по кабинету, ища глазами грозную преподавательницу, к которой меня вызывали. — Удивительно... Я думал, какая-то твоя родственница была.

Интересно, зачем она тут? Неужели её тоже вызвали? Не может быть... У неё что, дети-школьники есть? Да быть того не может! Хотя... время-то идёт.

Мысль о детях больно кольнула. Мой Жека был от старшей сестры. Они с мужем погибли в автокатастрофе недалеко от городка. Собрались развлечься — давно никуда не выбирались. Её супруг решил устроить настоящее свидание: кино, ресторан, шопинг в областном центре. А один дурак, пьяный и без прав, на полном ходу врезался в них.

Жека остался сиротой. Ну, как сиротой... Он как раз

остался со мной в тот день. Я им и сказал: «Езжайте, я посижу с мелким». Ему тогда два годика было. Такой маленький мужичок... Я души в нём не чаял, кайфовал от каждой минуты с ним. Страшная новость застала меня, когда я как раз его укладывал спать.

Мы с сестрой были очень близки. Росли без родителей, держались друг за друга. Поэтому позволить, чтобы Жека попал в детдом, я не мог. Не смог бы себе этого простить.

Но Маша... Я всё не мог отделаться от удивления. Такая молоденькая... Ладно, не молоденькая — нам уже под тридцать. Но чтобы у неё уже был школьник? Сын или дочь? Может, это просто зависть шевельнулась — у меня-то своего ребёнка нет, не считая приёмного Жеки.

А она... очень симпатичная без этого дурацкого пуховика. Отложила его на стол и что-то горячо мне объясняла, жестикулируя. Без этого оранжевого кокона она оказалась... миленькой. Очень. Фигурка красивая, в аккуратных штанишках и светлой рубашечке, сверху — жакетик белый в мелкий цветочек. В очках. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались рыжие пряди.

Слушай, ну она такая же красивая, как и была. Даже больше. Более ухоженная какая-то стала. Фигура... да, понятное

дело, после родов изменилась. Хотя и худенькая, но очень даже... аппетитная.

«Может, замутить? — промелькнула дерзкая мысль. — Позвать на свидание? Я в принципе после Лены ни с кем не был... Почему бы и не пообщаться поближе? Всё-таки дети в один класс ходят...»

Я так увлёкся этими раздумьями («Как бы такую красавицу к себе, скажем, на чай заманить?»), что вообще не заметил, как всё это время она мне что-то говорила. Что-то показывала. Потом она взяла чью-то тетрадь, открыла её и ткнула пальцем в страницу.

На рисунке была очень старательно, для второго класса, выведена роза и сердечко, в которое попадает стрела. А под ним, ломаным, корявым почерком, было написано: «Мария Леонидовна, я вас люблю. Выходите за меня замуж».

И тут до меня начало доходить. Почерк... Он не просто знакомый. Он ужасно, до мурашек знакомый.

Нет, серьёзно. Это же почерк Жеки. Моего Жеки.

Я выхватил тетрадь из её рук, фыркнул, а потом не сдержался и хохотнул.

— Ну, малец! Ну молодец! Это что же он, училке признание в любви пишет?

— Да, Колотов! — её голос прозвучал, как удар хлыста.
— Он мне признался в любви и предлагает выйти за него замуж!

И тут в моей голове щёлкнуло кое-что ещё. Я вспомнил, что батю Машки как раз звали Леонид.

Я посмотрел на тетрадь, потом на рисунок. Потом на неё. И медленно, как тяжёлый валун, на меня начала накатывать догадка.

— Иванова... А наши дети не в один класс ходят, да?

— Я теперь Смирнова! Мария Леонидовна! — она выпалила, и её глаза за стеклами очков метнули молнии. — И представь себе, я заменила вашу учительницу уже как месяц! И поверь, я тоже удивлена, что сейчас ко мне пришёл именно ты!

Она жёстко ткнула пальцем в мою сторону.

Я опять посмотрел на дурацкий рисунок с розой, потом на разъярённую, прекрасную Машку, и до меня окончательно дошло.

Первое: мой племянник влюблён в свою учительницу, ко-

торой была моя бывшая одноклассница.

Второе и главное: я ей не нравлюсь. Совсем. Иначе бы она на меня так не смотрела. И на чай ко мне она точно не пойдёт.

— Колотов, я вообще не удивлена, кстати. Так это ты был за рулём той тачки? И чуть не сшиб меня!

— Я? Да я даже не дотронулся до тебя! Вовремя затормозил!

— Ты знаешь, я смотрела дело Жени. Знала, что его воспитывает дядя после трагической смерти родителей... но никак не думала, что это ты!

— Да, я его воспитываю. И что? Что ты так взъерепенилась, я понять не могу. Он классный малец! Кроме претензий по поводу того, что он обалденный художник, есть ещё вопросы? — её наезд начал меня по-настоящему раздражать. Хоть она и очень красиво ругалась.

Она уже вся покраснелась.

— Колотов, как был неумёхой, так и остался! Я тебе уже пятнадцать минут стою тут и вдалбливаю, а ты смотришь на меня и туго что-то обдумываешь! У него проблемы! Хотя он на самом деле одарённый пацан. Он явно требует внимания, поэтому и задирается на всех!

— Какого внимания? Девчачьего? Рано, наверное, всё-таки начальная школа ещё... Хотя... — я ехидно ухмыльнулся.

Мария Леонидовна закатила глаза так, что, казалось, увидит собственный затылок.

— Колотов, твоего внимания ему надо!

— Не понял. Поясни, пожалуйста. Да если честно, в его возрасте все шалят. Он же пацан!

И мы начали припираться по этому поводу. И тут я рассмотрел кое-что, что до этого от меня скрывалось. Она была на грани. И это явно был не вопрос моего Жеки. Что-то её очень сильно расстроило её ещё до нашей встречи.

— Так, Иванова... Слушай, мы с тобой сейчас к итогу не придём, потому что тут что-то ещё. Давай спокойно разберём ситуацию с ребёнком завтра, например, за чашечкой чая... у тебя... мы это обсудим, — не теряя надежды залезть под её цветочный жакетик, предложил я, специально сделав голос на полтона ниже.

Но не такую реакцию я ожидал. Она резко замолчала. Потом я заметил, как у неё задрожали губы. Видимо, она взяла себя в руки, потому что щёки запылали, и она начала злиться по-настоящему.

— Колотов... — она начала тихо, буравя меня огненным взглядом. О, фурия возвращалась. — Ты за кого меня при-

нимаешь? Так вот слушай: бери свою разрисованную мою, свои разрисованные ручки, своё ухо с серёжкой, свои брутальные виски, накачанные мышцы и тащись обратно в свою дикую развалюху, которая еле-еле ездит. И езжай в ту дыру, из которой ты выбрался. Всё. До свидания. Встреча закончена.

Она демонстративно подошла к двери и распахнула её, всем видом показывая: «Вон».

Ух, и разозлила же она меня! Я демонстративно развернулся и вышел, не сказав ни слова. Не застёгивая куртку, проигнорировав любопытный взгляд вахтёрши Зои Леонидовны, я вырвался на улицу.

Внутри всё кипело. Как она смеет!? Да ещё и Жека на ней жениться собрался... Не бывать этому! Не надо нам никаких сов зеленоглазых в семье!

Я подошёл к клиентской машине, которая и вправду была немного развалюхой, но клиент её любил — хоть и зарабатывал огромные деньги, прикипел душой к этой «тачке» и лелеял её до победного. Я резко повернулся, чтобы бросить последний взгляд на окно кабинета 308, и увидел её. Она стояла и смотрела на меня.

Зрение у меня обалденное, поэтому я с удивлением разглядел, что её взгляд был не презрительным. В нём читался... интерес.

Я резко развернулся, сам себе ухмыльнулся и подумал, что таких крепостей я ещё не брал.

Ну что ж. Вызов принят.

Глава 3

Маша

Да что же это такое? Уже три месяца, как я здесь. В этом маленьком, засыпанном снегом городке, откуда когда-то бежала, чтобы забыть боль.

Боль от потери мамы. Она умерла, как раз когда я поступала в педагогический колледж. Папу я не знала, мы с мамой были вдвоём. От неё осталась квартира, маленькая, тесная, но своя. Возвращаться в неё было так больно, что я, едва поступив на бюджет, сразу же сдала её. Я надеялась, что никогда не вернусь.

И, в принципе, всё получалось. Все вокруг ждали, что я, вечная отличница и победительница олимпиад, уеду в столицу, выберу «престижную» профессию, а я выбрала работу с детьми, получила красный диплом и начала работать по специальности. После сняла крошечную комнатку в большом городе и больше не ездила домой, а деньги за квартиру мне исправно присылала соседка, Ольга Фёдоровна, ставшая мне почти тётей. Мы поддерживали связь, эта ниточка душевного родства была для меня спасательным кругом. Особенно

сейчас, когда есть видеозвонки и переводы в один клик.

Потом я встретила его. Своего почти бывшего мужа. Вышла за него замуж, забеременела... и мне казалось, жизнь наконец-то становится прекрасной.

Как же я ошибалась. Не знаю, как проморгала его зависимость от ставок, от азартных игр. Он жил на адреналине и мог за вечер спустить всю свою зарплату. Сначала я его оправдывала. Потом глаза стали открываться. Окончательно это случилось в тот вечер, когда мне не хватило денег купить лекарство для заболевшей дочки.

Ах, да. Я ведь родила прекрасную девочку. Оксану. Ей уже два с половиной, и она поражает меня своей детской рассудительностью. И вот в один «прекрасный» вечер она... защитила меня. Муж вернулся пьяный и проигравший все, начал орать, сыпать обвинениями. Я стояла, онемев, не зная, что сказать. И тут моя маленькая Оксаночка вышла передо мной, ткнула в него пальчиком и чётко сказала: «Ай-яй-яй!»

Эта детская «ай-яй-яй», прозвучавшая впервые в жизни в сторону ее отца, стала для меня последней каплей и горьким прозрением. Квартира была его, и он мне прямо сказал, что после развода я там жить не буду.

Был страшный скандал. Я собрала вещи — свои и дочери — в две старые сумки и уехала туда, откуда пыталась сбежать навсегда. К счастью, квартира как раз освободилась — жильцы съехали. Пустая, холодная, она встретила меня молчаливыми стенами и запахом прошлого. Но другого выхода не было.

В первый день я драила квартиру до блеска. Мыла, скребла, выметала прошлое вместе с пылью. По моим подсчётам, на деньги, отложенные со сдачи квартиры, мы могли протянуть месяц. Значит, нужно было срочно искать работу.

Мне невероятно повезло с бывшим директором школы, в которой я работала раньше. Узнав о ситуации, она пошла навстречу: мы дистанционно, через почту, оформили все документы и заявления на увольнение. Мне не пришлось ехать назад. Задача облегчалась тем, что я ещё официально была в декрете и у меня не было привязанного класса, который нужно было «передавать». Отдел кадров тоже не стал чинить преград. Я буду скучать по тому коллективу... Кто знает, может, когда-нибудь я к ним ещё вернусь.

Бывший директор не остановилась на этом. Она созвонилась с директором нашей крупной районной школы здесь, в городке, и расхвалила меня как ответственного и талантливого преподавателя начальных классов.

Оставив Оксаночку с Ольгой Фёдоровной, я почти бегом помчалась на собеседование. Директор, Людмила Аркадьевна, чуть не обняла меня с порога. Оказалось, их учительница младших классов срочно переезжала в другой регион, и они били тревогу, не зная, кем её заменить. И тут, словно по волшебству, появляюсь я.

Мы были рады друг другу. С документами разобрались быстро: их переслали мне ценным письмом, и я почти мгновенно влилась в школьный коллектив.

С садиком для Оксаны тоже дела обстояли хорошо. В маленьком городке, как выяснилось, с местами в детских садах не такая жуткая очередь, как в областном центре. Сдали анализы, и моя умница пошла младшую группу.

Казалось бы, жизнь понемногу налаживается. Свобода была так близко... Вот только бывший муж никак не утихомирится.

Не так давно я наконец-то получила на руки все судебные решения. Развод дался невероятно тяжело. Но едва у меня в сумке зашуршало заветное свидетельство, как он начал новую атаку.

Теперь он преследует меня.

И вот, после страшного сообщения от Вадика, о том, что он заберёт ребёнка, а я буду ползать у его ног и молить принять меня обратно, мне пришлось бежать на встречу с опекуном моего самого «активного» ученика.

«Активного» — это мягко сказано. Бармалей, ей-богу. Но я разглядела в этом пацанёнке мощный потенциал. А учитывая, что он теперь почти сирота, потому что опеку над ним оформил дядя, у меня сжималось сердце. Вникнуть во все детали его дела я не успела: только вливалась в класс, привкала к детям, а они — ко мне. Вторая четверть, а адаптация ещё в полном разгаре. Для меня было важнее всего их психологическое состояние, чтобы моё появление не сказалось на их успеваемости. Они же ещё такие малыши, второклашки...

А в голове — каша. Оксаночка после садика начала сопливать и покашливать. Я снова оставила её с Ольгой Фёдоровной, моей палочкой-выручалочкой, и теперь неслась на эту встречу в своём ужасном оранжевом пуховике, который выискала на маркетплейсе за копейки. Позволить себе что-то дорогое сейчас было немыслимо.

Честно говоря, вся моя одежда с «прошлой жизни» стала

мала. Да, я быстро пришла в форму, но бёдра, грудь... Всё изменилось. А денег на обновление гардероба не было вообще.

И вот я несусь. Снег лепит в глаза, дорога — сплошной каток. В голове — рой мыслей: бывший, дочка, угрозы... Всё смешалось в один сплошной ком паники.

Как я не заметила эту машину? И как он не заметил меня? Не понимаю. Визг тормозов. Фары, слепящие, как прожекторы. Машина замерла в сантиметре — не задела, но страх сковал так, что я оцепенела. Я сама ринулась на дорогу, не глядя, хоть и была на пешеходном переходе, но я должна была проверить безопасность на дороге. Всё держала в себе целый день, думала, что я крепкая, стойкая. А вечер, болезнь дочки, эти мысли... И вот эта машина. Она стала последней каплей, которая сломала плотину.

Вдруг я почувствовала себя до жути слабой, и внутри что-то щёлкнуло. Все эмоции, которые я годами запирала, рванули наружу. И почему-то мне показалось, что виноват во всём именно этот капот, эта развалюха, этот невидимый водитель. Я даже лица не разглядела — только татуировки на руках, на шее. Какой-то деградант... Хотя я не имела права так думать о незнакомце. Я не такая.

Но было поздно. Эмоции вырвались, и я начала дубасить по капоту своим жалким пакетом. В тот момент я, кажется, вообще не отдавала себе отчёта. Три года нервов. Три года жизни с человеком, который приносил только боль. Три года сдерживаемых слёз. Я выместила всё на этом куске железа. А ведь я всегда была спокойной. Всегда контролировала себя. Плакала только тайком — в душе, если удавалось уединиться, или ночью в подушку, очень тихо, чтобы дочка не услышала. Я не позволяла себе быть слабой ни перед кем.

А сейчас сорвалась. Эта машина стала катализатором. Я наорала на того невидимого водителя, а когда он высунулся и что-то сказал, просто плюнула с досады. «Бог с тобой, уезжай на своей развалюхе!»

Я резко развернулась и почти побежала к школе. Нужно было спешить — я и так опаздывала на встречу. Влетела в здание, в кабинет, захлопнула за собой дверь.

Мне отчаянно нужны были эти несколько минут. Просто постоять и закрыть глаза. Глубоко подышать и снова собрать себя в ту самую адекватную преподавательницу, которая заботится о своих подопечных и любит их. Ведь так оно и было. Я действительно о них заботилась.

Если честно, мне казалось, я пришла в себя. Сделала

несколько циклов дыхания с закрытыми глазами — раньше это всегда помогало. Всё нормально. Сняла пуховик, прижала его к груди, будто щит.

И тут дверь открылась. Я повернулась на звук приветствия и обомлела.

Передо мной стоял... он. Моя бывшая, тайная, школьная любовь. Только теперь он был старше, крупнее, с накачанными плечами, которые не вмещались в дверной проём. И тут до меня медленно дошло: мой ученик, Женя... чем-то неуловимо похож на Колотова Николая.

Мы обменялись немymi, удивлёнными взглядами, и пазл в моей голове щёлкнул окончательно. Это был он за рулём той машины. Проколотое ухо, короткий, будто пижонский, пуховик, спортивные штаны, татуировки, выбивающиеся из-под рукавов... Вид, что надо, ей-богу. Настоящий бандит с нашего района.

Внутри что-то ёкнуло — старый, давно забытый всплеск тех самых сладких и мучительных чувств. Как же я по нему сохла в школе! И не я одна, конечно. Он и взгляда меня не достаивал — я была всего лишь очкастой зубрилкой, которая краснела, как маков цвет, от любого внимания.

И вот, не знаю почему, я опять на него сорвалась. Сначала в машине, а теперь здесь, пытаюсь донести информацию о его племяннике. Я стояла и распинаясь, перечисляя сильные стороны Жени и то, что можно было бы направить в мирное русло. А он... смотрел на меня странно. Как кот на сметану. Я почувствовала, как начинаю краснеть, и в отчаянии ткнула пальцем в тетрадь по русскому, показывая тот самый рисунок с признанием в любви.

Вроде вывела его из задумчивости. Его реакция была странной. И это меня снова взбесило! Я должна быть сейчас дома, с дочкой, которой явно нездоровится, а не здесь, не перед этим... глупым мужланом!

Мы поругались. По-настоящему. И когда он, хлопнув дверью, ушёл, я осталась вся пылающая — не только от гнева, но и от стыда. Я вела себя непрофессионально, непростительно.

Я подошла к окну, чтобы отдышаться, и смотрела, как его развалюха отъезжает от школы. Где-то внутри я ехидно фыркнула: «Ну конечно, чего мог добиться этот двоечник? Весь в наколках, как бандит, на машине-ведре...»

Но тут же сердце сжалось. Мне срочно нужно помогать его племяннику. С таким «воспитателем» мальчик точно пойдёт по наклонной.

А где-то в самой глубине души, вопреки всему, всколыхнулось то самое школьное чувство. Мне тогда было плевать, что он хулиган. И сейчас... «Хулиган для училки», — усмехнулась я про себя. Звучало бы смешно, будь не так грустно.

Я выпрямила спину и жёстко, почти вызовом, посмотрела вслед удаляющимся фарам.

Ладно, Колотов. Вызов принят. Я не сдамся. Я вытащу твоего Женю, и мы посмотрим, кто кого.

Глава 4

Николай

Как же так-то? Да что за бестия... Всё-таки эта Машка хороша... Правда, очень хороша. Удивительно — для «училки» очень даже ничего. Такая прям... ммм.

Может, к Ленке заехать? Сбить с себя это наваждение? Нет. Я мужик. Сказал, что мы расстались — значит, расстались. Всё. Точка.

Я ехал за Жекой, чтобы забрать его и после ехать доделывать тачку. Другу уже позвонил, объяснил, что ещё сегодня повожусь над ней. За Жекой заехал быстро — благо от школы до нашей квартиры рукой подать.

У меня в собственности была трёхкомнатная квартира в центре да ещё недоделанный дом на окраине. В доме бывал редко — в основном, когда гулял с друзьями или заводил туда барышень. Серьёзных отношений у меня как-то не складывалось. Лена продержалась дольше всех. Все мои «дамы сердца» были странноватыми, будто под копирку: накачанные губы, искусственный загар и фанатки клубов и кафе. Я от них многого и не просил. Но если девушка начинала доставлять проблемы, которые я не мог решить (вернее, которые она сама на ровном месте создавала), то я быстро завязывал. Мерзотный характер — мой главный стоп-сигнал. И

почему-то мне везло именно на таких.

Перед тем как зайти за Жекой, я остановился у подъезда и вздохнул. «Да что же такое... Может, я и вправду неправильно женщин выбираю?»

На удивление, Жека уже ждал меня в коридоре, полностью одетый.

— Будешь ругать? — спросил он по-взрослому, глядя на меня снизу вверх.

— Я ещё обдумываю этот вопрос, — ответил я. — Значит так... Понравилась тебе новая училка? Она для тебя слишком стара. Добро на брак не дам.

— Ну, а что... Может, лет через десять? — не сдавался пацан.

— Даже через десять будет рановато жениться.

— Мне что, как ты, что ли, ходить? Ты уже старпёр, а до сих пор не женат. И тётки у тебя какие-то стрёмные. С какими-то дурацкими губищами, ресницами... они все какие-то оранжевые. Коля, найди себе нормальную.

Он говорил это, пока мы выходили на улицу и повергал этим разговором в шок, но я уже привык к его такой детской прямолинейности.

— Я, кстати, так и знал, что мы поедem в бокс, — продолжал Жека, хвастая. — Взял с собой макароны, отварил, в контейнер сложил. Хоть перекусишь.

Я потрепал его по голове, чуть сдвинув шапку набок.

— Ох, чтобы я без тебя делал, Жека...

Он звал меня Коля. С тех пор, как был совсем мелким, у него не прижилось ни «дядя», ни «папа» — только Коля. Так и пошло.

— О, Коля, придумал! — оживился он, уже забираясь в машину. — Она мне нравится, наша училка. Так может, ты на ней женишься?

— О-хо-хо, что ты придумал... На этой дикой, огненной гарпии? — фыкнул я, но тут же спохватился, завёл машину и поправился. — То есть... так нельзя говорить. Неправильно.

Мы тронулись, но его вопрос повис в воздухе между нами, заставив меня украдкой ухмыльнуться.

Жека, конечно же, сел сзади в специальное детское кресло, которое я таскал с собой даже в клиентские тачки. Он вечно ворчал по этому поводу, что он взрослый, но безопасность племянника для меня была превыше всего. Проверил, всё ли как надо, пристегнул адаптер, и только тогда тронулись.

По пути к боксам пришлось раз десять отвлечься — столь-

ко знакомых, приятелей и клиентов попадалось. Здоровался со всеми, кивал. Мой автосервис был одним из лучших на несколько районов. Ко мне порой приезжали даже из соседних областей — слава о качестве работы шла далеко. Помимо ремонта, занимался выкупом и разбором битых машин — дело приносило очень неплохие деньги. У меня работала небольшая, но слаженная команда, мы предлагали полный спектр услуг. Не раз знакомые предлагали расширяться, открывать филиалы, но я как-то не горел желанием. Не стремился к гигантскому бизнесу. Мне с Жекой хватало на всё, а лишняя головная боль была не нужна.

На его будущее — на квартиру, учёбу — я уже отложил приличную сумму. Сам себе удивлялся, что стал так далеко смотреть вперёд. Женьку, конечно, об этом не рассказывал — считаю, что парень должен сам жизнь строить. Но когда придет время заводить семью или поступать в другой город, то я ему помогу. Без разговоров.

— Слушай, а как вообще тебе новая училка, Мария Леонидовна? — спросил я, когда мы уже почти подъезжали к боксам.

— Она очень классная! — Жека оживился. — Она нам всем нравится. Поначалу, конечно, мы на неё косились — показалась какой-то странной. Но сейчас... она лучшая! Она даже знает мультик про моих любимых мутантов-ниндзя!

— Даже так? — я удивился.

— Ага! А ещё у неё есть дочка. Это девчонки сказали. Сашка Бурмистрова говорит, что Мария Леонидовна живёт в соседнем подъезде и водит по утрам в садик маленькую девочку. Совсем маленькую.

— Да-а-а? Как интересно... — протянул я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало лишнего любопытства. — А мужчина с ними ходит какой-нибудь?

— Не-а, никакого мужика нету. Я бы не стал ей делать предложение, если бы у неё был какой-то мужик.

— Ну, ты же всё знать не можешь, правда? — подмигнул я ему через зеркало заднего вида.

Жека фыркнул, уверенный в своих разведданных, а я задумчиво постучал пальцами по рулю.

В боксе ещё работали мужики. Я загнал тачку друга в соседний отсек, и мы с Жекой, прежде чем браться за дело, перекусили его макаронами. Я достал из своих сокровенных запасов бутылку лимонадной шипучки. Ну а что? Я холостяк, он — мой маленький напарник. Почему бы и нет?

Жека, усевшись с телефоном, погрузился в свои гоночные игры, а я принялся за работу. Мужикам сказал, чтобы шли по домам к семьям, но некоторые упёрлись — хотели доде-

лать заказы. К девяти я уже всё закончил. На удивление, Жека ещё не спал. А бывало, он засыпал прямо тут, в боксе. В самом начале, когда денег было в обрез, а работников не было, я организовал здесь мини-студию: душ, крошечная кухня, раскладной диван. Мы с ним могли запросто остаться на ночь. Но сейчас — нет. Привели себя в порядок, переоделись и поехали.

Я ведь знал, где живёт Машка. Никому не признавался, но она мне в школе дико нравилась. Бывало, думал, что а не первая ли это любовь? Только вот рядом всегда были доступные девчонки — сами подходили, улыбались, звали тусить. А Маша была как что-то недостижимое с другой планеты: недоступная, замкнутая, вечная зубрилка. До неё было не достучаться.

И вот весь вечер я о ней думал. Сам не заметил, как машина сама свернула на знакомую улицу и притормозила у её дома.

Дом был из тех, что давно ждали расселения. Трещины по стенам, облупившаяся штукатурка, постройка шестидесятых годов. В некоторых квартирах ещё сохранились печки, но у Маши, кажется, нет. Откуда я знал? Как-то тусили здесь с друзьями, один из них жил в этом подъезде и рассказывал, у кого что. У Маши печку убрали ещё при её матери, когда она в школе училась. Мать её, кстати, была золото. А самую Машу я не видел как раз после тех похорон... Мы всем классом и родителями скидывались тогда.

— Ну, а что, долго мы здесь будем стоять, Коль? — раздался сонный голос с заднего сиденья. — Поехали домой, спать хочется. Надо ещё мыться, в школу собираться...

После работы мы уже пересели на мой чёрный внедорожник, огромный, тонированный «танк», который был нужен для поездок на стройку загородного дома.

И тут я увидел. В окне на первом этаже зажёгся свет, и в нём появилась она. В каком-то розовом халатике с зелёными листиками, волосы влажные после душа. Она выглянула, хмуро разглядывая мою блестящую машину (меня, конечно, не видно), сморщила носик... и резко опустила рулонные шторы.

Даже когда хмурилась была чертовски милой.

— Та-а-ак, Коль... — Жека привстал, прилип к стеклу. — Ты меня пугаешь. Это же наша училка была только что!

— Ладно, Шерлок Холмс, поехали домой! — усмехнулся я, завёл двигатель и тронулся.

Но, отъезжая, я бросил взгляд в зеркало заднего вида... и обомлел.

То, что я увидел, было словно из триллера. Возле подъезда, в свете уличного фонаря, стояла моя милая училка. В страшных пуховых сапогах, накинув пуховик прямо на халат, растрёпанная. И в руках она сжимала чёрную биту.

Я несколько раз перевёл взгляд с дороги на зеркало, прищелкнул от неожиданности и прибавил газ.

Да уж... Непроста ты, училка. Совсем непроста.

Интересно, за кого она меня приняла? И что же такое в её жизни творится, что она выбегает ночью с битой, как настоящая психопатка?

Надеюсь, в будущем эта психопатка будет моей.

Глава 5

Я умывала лицо, пока дочка ещё спала. Подъём в 6:30 был священным ритуалом. Нужно было отвести Оксану в садик, а на улице — трескучий мороз. Не знала, как её укутать, быстренько перетрясла все вещи.

Хорошо хоть, завтракала она в саду, и он был в двух шагах от дома. Этой ночью я почти не спала — вчера бывший опять напугал. Он звонил, но я не брала. В итоге он прислал сообщение. В нем он пояснил, что оказался должен каким-то отморозкам, теперь они его ищут. Писал, что будет продавать квартиру.

В панике я позвонила его матери. С ней у нас сохранились хорошие отношения. Даже когда я разводилась, она сказала: «Наверное, это к лучшему». Она жила в другом, более тёплом регионе — у её мужа, отца Вадика, была астма, и врачи рекомендовали им переехать на юг. Не знаю, помогло ли им это.

«Квартира в моей собственности, — успокоила она меня. — Вряд ли он сможет её продать». Её голос звучал устало и грустно. Ну тогда это значило, что у бывшего не будет денег для решения его проблемы. Меня это сильно насторожило.

Я умылась, наспех намазала лицо кремом. Читала где-то, что нужно за 30-40 минут до выхода это делать, чтобы не

обморозить кожу. Посмотрела в зеркало на своё отражение. Да уж... Уставшая бледная поганка.

И ещё немножко корила себя за вчерашний нервный срыв. После сообщений про коллекторов мне начало чудиться всякое. А вдруг он сболтнул им про нас? И они приедут разбираться?

Как раз в тот момент, когда я себя окончательно накрутила, я вышла из ванной (малышка уже спала), зашла на кухню закрыть шторы, включила свет и увидела у дома большой чёрный внедорожник.

Сомневаюсь, что кто-то в нашем убогом доме мог позволить себе такую машину. Он стоял напротив, и мне почудилось, что кто-то изнутри смотрит прямо на меня. Прямо в моё окно.

Сначала сковал ледяной страх. А потом — поднялась ярость. Что-то во мне просто взбесилось.

Я решила дать бой. Почему-то стало не страшно. Захотелось выйти и напугать их. В прихожей, забытая прежними жильцами, лежала детская черная бита. Она была небольшая, видимо, ее хозяином был мальчик бывших квартиросъёмщиков. Я даже связывалась с его матерью, и та, узнав, что бита осталась, вздохнула с облегчением: «Пусть у вас остаётся».

Вот я и схватила её. Накинула на халат пуховик, сунула ноги в сапоги и выбежала, готовая дать отпор.

Но машина уже поехала. Возможно они видели, что я вы-

хожу и решили пока не лезть.

Я стояла на морозе, сжимая битую в окоченевших пальцах, и смотрела вслед красным огонькам задних фар. Страх сменился опустошением и стыдом.

Закончив утренние процедуры, я улыбнулась сама себе. Ну и дурочка же я! Вдруг там и правда кто-то просто приехал к соседям, а я — с битой наготове. Наверняка подумали, что местная полоумная.

Я ещё раз посмотрела на своё отражение в зеркале, вздохнула и сказала себе твёрдо:

— Маша, хватит. Пора взять себя в руки и начать новую жизнь. Ради себя. Ради памяти мамы. Ради дочки.

Из комнаты донёсся шорох. Оксаночка завозилась на диване. У неё была своя комната, но так вышло, что её кровать стояла рядом с моим диваном, и она по ночам часто перебиралась ко мне. Я не возражала. Мне было комфортно вдвоём.

Сейчас моя главная цель — вырастить её здоровой. Психологически и физически. Я, в первую очередь, мама.

— Мама... Носки... — первым делом, едва проснувшись, попросила милым лепетом Оксана.

— Сейчас найдём самые тёплые носки, — ответила я и пошла её одевать.

На улице был трескучий мороз. Под весёлый галдёж Ок-

саночки мы быстренько добежали до садика. По пути, конечно, встретили кучу соседей — со всеми надо было поздороваться. У нас не было дворника, поэтому снег убирали по очереди. Я всегда удивлялась нашей соседке, которая в своё дежурство бралась за лопату, как олимпийская спортсменка — легко, без одышки, будто делала это каждый день. Вот уж завидная выносливость.

И вот я снова несусь в школу в своём оранжевом пуховике, чтобы учить новое поколение «разумному, доброму, вечному». Несусь, спотыкаясь о сугробы, снег лепит в глаза...

И снова этот внедорожник.

Я так задумалась, что чуть не попала под колёса. Из-за снега я сдвинула капюшон, и откуда ни возьмись появилась она, огромная чёрная машина. Откуда она взялась? Я же должна была её увидеть! Она вынырнула из-за поворота, будто из-под земли.

Я резко остановилась. Машина — тоже, замерла в сантиметре от меня.

Я готова была увидеть, что угодно, но к этому я не была готова.

Из-за руля на меня смотрел Колотов. Только смотрел он как-то очень странно: лыбился во всю свою наглую ухмылку и даже помахал мне рукой, будто специально так выехал и затормозил.

Первым порывом было ринуться и расцарапать ему лицо — до того он меня бесил! Но тут в голове щёлкнуло. Так... получается, вчера у моего дома стоял он? Значит... мой Вадик должен денег Колотову?

Мысли понеслись вихрем. Николай как раз похож на такого бандита, который занимается выбиванием долгов. Все вело именно к этому! Надо... надо поговорить с ним...по душам. Может, получится как-то защитить себя и Оксану? Или даже Вадика... Всё-таки мы не чужие люди.

— Эй, психичка! Садись в машину, подвезу! — донёсся его хрипловатый голос из приоткрытого окна.

О господи. Похоже, я попала. Но что делать? Не станет же он среди бела дня похищать учительницу своего же племянника? В принципе...

Сжав пальцы в кулаки от нервного напряжения, я кивнула и сделала шаг к пассажирской двери.

Он сам перегнулся через весь салон, расстегнув ремень безопасности, и открыл мне дверь, пока я, стараясь выровнять дыхание, подходила к машине. «Страшно-то как... Может, не стоит? Нет, надо. Надо узнать, что ему от нас нужно». В голове начали проноситься страшные новостные сводки.

— Давай, садись быстрее, Маш. Замёрзнешь же, — его голос прозвучал непривычно... заботливо?

— Спасибо, Николай Александрович, — сказала я, садясь и стараясь выбрать тон спокойной, деловой учительницы. Якобы я ничего не боюсь.

— Ой, надо же, Мария Леонидовна, — фыркнул он, трогая с места. — А давай мы с тобой не будем на «вы»? Всё-таки мы давно друг друга знаем.

Он хитро улыбнулся, глядя на дорогу. Это что, он мне сейчас подмигнул?! Господи, что это значит? Он явно знает про долги Вадика. Соберись, Маша. Соберись.

— Нет, Николай Александрович, давайте всё-таки как положено: учитель и родитель ученика. Я, кстати, спешу — надо успеть к первому уроку, подготовить класс. Кстати, почему вы без Евгения?

— А я тебя отвезу, Машка, сейчас и за ним поеду. Всё-таки, давай на «ты». Ты какая-то бледная... Мне кажется, встревоженная. Что не так?

Он опять посмотрел на меня тем же заговорщицким, хитрым взглядом. Да, он точно здесь из-за долгов Вадика! Меня начала накрывать паника.

— Я ведь вижу, что ты что-то хочешь сказать или спросить, — добавил он, улыбаясь. — Спрашивай. Я ведь как на ладони.

Вот оно. Прямота — моё оружие.

— И давно вы вот... промышляете своей работой, Николай? — выпалила я, имея в виду выбивание долгов.

— Работаю я в своей сфере очень давно, так-то, — задумчиво ответил он, не стеснясь почмнений. — Я ведь начинал ещё со школы.

— Ну да, я помню, вы в школе были не совсем законопо-

слушным элементом, — продолжила я, пытаясь «поставить точки над i».

— Ну, уж не таким и законопослушными. Нормальным я был. Это в дальнейшем помогло мне в моей деятельности. Всё-таки, считай, меня воспитывала улица.

— Оно и видно. И что, вы такой же судьбы хотите и для Евгения? Чтобы он шёл по вашим стопам?

— А почему бы и нет? — Он искренне удивился. — Если он выберет эту же сферу, то флаг ему в руки. Я только помогу. Знакомства есть и всё такое... Но пока рано говорить. Ему надо выучиться.

Я фыркнула. Вот оно. «Сфера», «знакомства». Надо спасать Женю и заодно себя бы сберечь.

— И что, за это время ничто не могло вас поставить на путь истинный? — спросила я почти с вызовом.

— Например, что? Например, жена? — Он повернул голову, улыбнулся и хитро приподнял бровь.

— Ну, как вариант, почему нет?

— Не довелось. Сначала Женька был маленький, потом я весь в работе, сейчас опять работа. Знакомился... Так ведь все барышни, в общем, не те. — Он бросил на меня быстрый взгляд. — А что до тебя, Мария Леонидовна? Как твой муж поживает? Вернее, бывший муж. Ведь так, правильно?

Он задал вопрос непринуждённо, но в его голосе прозвуч-

чала какая-то... настороженность. Или интерес. Он проверяет связь. Он знает!

Сердце у меня в груди заколотилось так, будто пыталось выпрыгнуть и сбежать пораньше, пока ещё есть шанс. Он знает про Вадика. Он прямо спросил. Голос у него был спокойный, но в глазах — та самая хищная искорка, которую я помнила ещё со школьных драк. Я громко сглотнула.

«Вернее, бывший муж. Ведь так, правильно?»

Мир на секунду поплыл. В ушах зазвенело. Я представила, как этот «воспитанник улицы» с татуировками на костяшках пальцев методично выбивает долги из моего непутевого экс-супруга. А потом... потом его внимание переключается на меня и на Оксану. В голове пронеслись криминальные сериалы, где коллекторы ломают двери и пугают детей.

Я почувствовала, как лицо стало абсолютно белым, даже веснушки, кажется, побледнели. Руки похолодели. Ещё секунда, и я бы тихо и бесшумно сползла на коврик его внедорожника в самом настоящем обмороке.

Но тут машина плавно подкатила к знакомому крыльцу школы. Мотор заглох. Спасение!

Я уже схватилась за ручку двери, готовая выпрыгнуть и бежать без оглядки, как его голос, спокойный и будничный, остановил меня:

— Так, Маш. Разговор наш, считай, только начался. Вечером закончу дела и заеду, отвезу тебя домой. Обсудим всё подробнее.

Он сказал это с такой невозмутимой, почти деловой серьёзностью, словно назначал встречу по ремонту двигателя, а не собирался меня бузить. Не «я тебя похищу», а «заеду, отвезу». От такого тотального спокойствия стало ещё страшнее.

Мой мозг, перегруженный адреналином и образами из триллеров, выдал единственную логичную в данной ситуации команду: БЕГИ.

Я не сказала ни «да», ни «нет». Не крикнула «отстань!». Я просто дёрнула ручку, вывалилась из высокой машины, едва не зацепившись своим дурацким пуховиком, и рванула к школьным дверям, не оборачиваясь.

В ушах стучало: «Туп-туп-туп-туп» — это были мои собственные шаги по утопанному снегу. И, кажется, сзади донёсся короткий, хрипловатый смешок. Но я не стала уточнять. Герои фильмов ужасов всегда оглядываются — и всё, конец.

Я влетела в школу, прислонилась к холодной стене в пустом коридоре и закрыла глаза, отдышиваясь. Ну вот, Мария Леонидовна. Поздравляю! Только что вы сбежали от самого главного «родителя» в вашей практике, словно заяц от волка. И теперь у вас на вечер назначено... свидание? Угроза? Деловая встреча по урегулированию долговых обязательств бывшего мужа?

«Обсудим всё подробнее», — эхом прозвучало в голове. Господи, надо было брать ту битку с собой. Хотя бы для

моральной поддержки.

Глава 6

Если бы существовал олимпийский вид спорта «Выживание учителя начальных классов во второй четверти», я бы сегодня заслужила если не золото, то уж серебро точно. Мой мозг работал в режиме гипер многозадачности: одна часть следила, чтобы Петя Сидоров не запихнул ластик Васе Кузнецову в нос, другая — объясняла правила переноса слов, а третья, самая назойливая, панически вопрошала: «Что значит «заеду вечером»?!»

Я провела этот день на таких моральных иголках, что могла бы заменить собой дикобраза. Каждое неожиданное движение за дверью класса заставляло меня вздрагивать. Вот он? Нет, это Петруша из параллельного «А» уронил свой рюкзак с грохотом астрономического масштаба. Каждая вибрация телефона заставляла сердце ёкать. Колотов? Нет, Ольга Фёдоровна спрашивает, во сколько забрать Оксану. Спасибо ей, что она сегодня забирает её с садика.

А сами ребята... Господи, они были сегодня прекрасны. Невыносимо шумны, абсолютно неуправляемы и потрясаяще искренни. На математике они с пеной у рта доказывали, что слагаемое плюс слагаемое может равняться тоже слага-

емому, если очень захотеть. На перемене устроили дебош в стиле «Кто громче прокричит скороговорку про кукушку». В столовой едва не началась Великая Картофельная Война из-за последней котлеты. Я чувствовала себя судьёй на ринге, дипломатом в горячей точке и, одновременно, главным зрителем самого смешного в мире шоу.

И главным заводилой, конечно, был Он, Евгений. Но сегодня он вёл себя... иначе. После утреннего разговора с его дядей-«коллектором» я смотрела на мальчика с душевной болью. «Бедный сиротка, растёт среди бандитских понятий». И вот, после того как я разрулила тот самый инцидент с котлетой (миром, увещеваниями и обещанием принести завтра печенье), он подошёл.

— Мария Леонидовна, а у вас дома есть собака?

— Нет, Женя, нет собаки.

— А почему? Она бы вас защищала.

Я едва не поперхнулась чаем. От кого защищала, милый? От твоего же дяди?

— Мне хватает защиты, — сжала я кулаки под столом, представив ту самую битву.

Через полчаса, на следующей перемене, он снова материализовался у моего стола.

— Мария Леонидовна, а вы на машине ездите?

— Нет, Женя, я пешком.

— А почему? На машине быстрее. Мой дядя Коля, например, на машине. Он бы вас мог подвезти.

У меня похолодели пальцы. Это что, тонкий намёк? Разведка боем? Я посмотрела в его ясные, лишённые всякого коварства глаза и поняла, что нет. Это просто ребёнок, который почему-то сегодня хочет говорить со мной о быте и транспорте.

— Пешком полезнее, — выдавила я улыбку.

К концу дня Женя начал задавать уже личные вопросы. «А вы суп варите? А дядя Коля не умеет, у нас только макароны и пельмени». «А вы сказки на ночь читаете? Мне уже давно не читают, я сам умею».

Каждый его «дядя Коля» отзывался во мне тревожным звоном. Я отвечала автоматически, а сама строила в голове крепости из учебников и составляла план отступления на случай, если тот самый «дядя Коля» действительно появится у школы с намерением «обсудить всё подробнее».

Когда прозвенел последний звонок и я, прогнав последнего драчуна и найдя пятую за день потерянную варежку, наконец осталась одна в пустом классе, напряжение не спало.

Оно превратилось в тугую пружину. День прошёл на ура, дебоширы усмирены, доверчивый взгляд Жени растопил лёд в душе... но вечер-то ещё впереди.

Так я провела еще несколько часов в рабочих моментах в школе. Я посмотрела в окно на темнеющее небо. Ну что ж, Мария Леонидовна. Вы прекрасно справились с двадцатью маленькими энерджайзерами. Теперь осталось справиться с одним большим, загадочным и чересчур настойчивым «воспитанником улицы». Где же моя бита, когда она так нужна... хотя бы как моральный поддерживатель?

Ребятки все разбежались ещё до наступления сумерек. Если в областном центре были группы продлённого дня, то здесь, в нашем маленьком городке, это была платная услуга, и родители забирали детей сразу. Я вздохнула. В наше-то время было проще — продлёнка бесплатная, и мы тусили в школе до победного, делая уроки под присмотром учительницы. Весёлое было время. И никаких тебе раздумий о долгах и всяких взрослых хулиганах... Хотя стоп. Они-то как раз были уже тогда. Рядом. Учились в параллельном классе. Кто знает, может, уже тогда Коля Колотов выбивал свои первые «долги» — свистульки или наклейки у мальчишек из младших классов.

За этими невесёлыми раздумьями я и не заметила, как к

школе снова подъехал его чёрный внедорожник. Не просто подъехал, а встал, как огромная, зловещая глыба. «Гробина», а не машина. И тут меня осенило. Так вот почему вчера он был на той развалюхе! Наверняка, это он её у кого-то забрал за долги!

Моя фантазия, уже порядком раскачанная за день, тут же услужливо нарисовала картину: Колотов в суровом молчании протягивает руку, чья - то дрожащая рука выпускает ключи, а он, хлопнув дверцей, уезжает на трофейной машине. Я даже мысленно пожалела этого выдуманного несчастного.

Срочно нужен план по побегу. Я быстренько закончила все дела и, стараясь ступать неслышно, двинулась к лестнице. Точно, у нас же есть запасной выход через спортзал! Пойду другим путём, главное идти не через центральный, где он может караулить.

Я уже почти чувствовала вкус свободы и холодного вечернего воздуха, когда спустилась на первый этаж и свернула в коридор к учительской раздевалке и замерла.

Прямо у двери, прислонившись к стене и явно меня поджидая, стоял Колотов. Он был в той же короткой куртке, руки в карманах, и смотрел на меня с таким видом, будто толь-

ко что выиграл в лотерею.

Ну вот и приплыли. Мой гениальный план бегства сгорел, даже не успев толком разгореться.

— Ну что, самый психически неуравновешенный и при этом красивый учитель? — произнёс он, и в его голосе звенела откровенная усмешка. — Карета подана. Продолжим утреннюю беседу?

Он сделал театральный жест в сторону выхода, где его «гробина» действительно выглядела как карета для особо важных... заложников.

Внутри у меня всё сжалось в комок. Но сдаваться без боя я не собиралась. Я выпрямила спину (насколько это возможно при нашем разнице в росте) и попыталась придать лицу выражение ледяного, профессионального безразличия.

— Беседа? Какая беседа? — выпалила я, делая шаг назад к лестнице, будто она могла меня спасти. — У меня, знаете ли, дела. Срочные. Очень.

Я начала лихорадочно рыться в сумке, делая вид, будто что-то ищу.

— Я... мне надо бежать в детский сад. Оксану забирать. Опоздаю же! — это была первая здравая мысль, которая пришла в голову.

Колотов не двигался с места, лишь одна бровь медленно поползла вверх.

— В детский сад? — переспросил он с лёгким недоумением. — Маш, он закрывается в пять тридцать. Сейчас без двадцати шесть.

Чёрт. Он что, знает расписание всех детских садов в городе? Или он просто так хорошо подготовился? Моё сердце устроило в груди чечётку.

— А, ну да... Я... я про другое! — залепетала я, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец. — Я сначала в магазин за продуктами! А потом... потом у меня свидание!

Последние слова вылетели неожиданно даже для меня. Гениально, Мария Леонидовна. Просто гениально. Теперь у тебя есть «защита» в виде мифического поклонника, который, конечно же, отпугнёт такого типа.

И вот тут с Колотовым произошла странная метаморфоза. Его лёгкая, чуть насмешливая улыбка вдруг сползла с лица. Всё его тело, до этого расслабленно прислонившееся к стене,

напряглось. Он выпрямился, и его серые глаза, которые только что искрились усмешкой, стали холодными и пристальными. Он не сказал ни слова. Просто смотрел. И в этом молчаливом взгляде было что-то такое... цепкое. Не злое, а скорее, оценивающее. Очень, очень внимательное.

— Свидание? — наконец произнёс он. Голос стал тише, но в нём появилась новая, грубоватая нота. Он сделал шаг вперёд, и я инстинктивно отступила. Он не нарушал дистанцию, но казалось, что он занял собой весь коридор. — Прямо после детского сада и магазина? Напряжённый график.

— Да! — пискнула я, пытаюсь сохранить остатки достоинства. — Очень важное свидание. Так что... так что мы как-нибудь в другой раз...

— А кто счастливчик? — перебил он. Его вопрос прозвучал как требование. В его взгляде мелькнуло что-то первобытное, что заставило меня внутренне содрогнуться. Это была не та реакция, на которую я рассчитывала. Я ждала разочарования, сарказма, может, лёгкой досады. А не этой... хищной сосредоточенности.

— Это... это не ваше дело! — попыталась я парировать, но голос предательски дрогнул.

Колотов наклонил голову набок, изучая меня, будто редкий, странный экземпляр.

— Моё дело, — сказал он тихо, но так, что каждое слово отпечаталось в тишине пустого коридора, — чтобы ты благополучно добралась до дома. Со свиданием или без. И раз уж оно у тебя такое важное, — он вытянул руку, открывая передо мной дверь в раздевалку, — давай одевайся быстрее. Я тебя в магазин довезу. А потом на это самое... свидание. Посмотрю, кто там такой важный, что мою училку перехватил прям перед моим носом.

Мой план с треском провалился. Вместо того чтобы отпугнуть, я только раззадорила зверя. И теперь у меня на хвосте висел не просто «кредитор», а какой-то... ревнивый телохранитель, которого я сама же и назначила на эту роль своей глупой ложью. Господи, куда я ввязалась?

Глава 7

Когда я зашла в учительскую раздевалку, мой взгляд автоматически метнулся к окну. А что если?..

— Ты там долго? — раздался стук в дверь, и я вздрогнула.

Я посмотрела на дверь, потом на окно. Медленно подошла к нему и оценила обстановку. Первый этаж... но с высоким цоколем. Высота оказалась достаточно внушительной, чтобы у меня, человека, испытывающего священный трепет перед любым подоконником выше первого этажа, похолодело внутри. Я хмыкнула. Или всхлипнула?

Дверь открылась.

— Училка, ты чего? — в его голосе прозвучала неподдельная тревога. — Мне показалось, или ты сейчас всплакнула?

— Нет, я... кашлянула. Подавилась воздухом, — выдавила я, отворачиваясь.

— А, понятно. Ты не против, если по пути заедем к моему другу? Он в частном секторе живёт.

Он не стал ждать ответа. Просто подошёл и, аккуратно подтолкнув меня за локоть, мягко, но неумолимо вывел

из раздевалки, а потом и из школы. Я бросила отчаянный взгляд нашей вахтёрше, Зое Леонидовне. Та только загадочно улыбнулась и пожелала: «Приятного вечера!» Вот тебе и охрана объекта. Меня похищают при свете дня (ну, почти), а она — «приятного вечера»!

У его огромного внедорожника он открыл пассажирскую дверь и одной рукой, будто куклу, посадил меня на сиденье. В салоне пахло... неожиданно приятно. Чем-то свежим, морозным и... цветами?

Николай быстро запрыгнул на водительское место, перегнулся назад и вытащил... три огромных, роскошных букета.

— Так вышло, что я не знал, какие ты любишь цветы, училка, — сказал он с какой-то виноватой ухмылкой и... просто положил их на меня.

Нет, не вручил, а именно положил эту охапку.

Я крякнула. Один букет из пышных роз накрыл мне лицо, второй придавил ноги, а третий, с какими-то экзотичными лилиями, упёрся прямо в грудь. Я утонула в бутонах и зелени. От резкого, густого аромата у меня запершило в носу.

Я громко чихнула, а потом ещё раз.

— У тебя что, аллергия?! — Его реакция была мгновен-

ной. Он резко сгрёб все три букета с меня, будто это были горячие угли, и швырнул их на заднее сиденье. — Я не знал! Тебе воды? Может, в аптеку?

Он уже завёл двигатель, его лицо было искренне испуганным.

— Нет-нет, нет аллергии! — затараторила я, испугавшись его паники больше, чем цветов. — Зачем... зачем цветы? На могилку? Или зубы заговариваешь? — выдавила я первое, что пришло в голову.

Он замер, уставившись на меня.

— Чего? На какую могилку? Кому я зубы заговариваю?! — он выглядел абсолютно ошарашенным. — Я хотел сделать тебе приятно! Просто не знал, какие ты любишь, и даже не подумал, что может быть аллергия... — он провёл рукой по коротко стриженным вискам. — Кто же знал, что училки такие несуразные...

Его последние слова прозвучали скорее с досадой, чем со злостью. И тут я вспомнила про свою легенду.

— А как ты себе представляешь? — сказала я, пытаюсь вернуть себе хоть каплю достоинства. — Я иду на свидание с тремя букетами? Мой... ухажёр меня не поймёт.

В голове крутилась единственная мысль: если он бандюга,

зачем дарить цветы жертве? Чтобы усыпить бдительность? Станный метод.

— Ой, да ну тебя, — махнул он рукой, отводя взгляд на дорогу. — Ладно, слушай, мне надо заехать тут быстро. А потом отвезу, куда скажешь.

Он тронулся с места, а я сидела, вся в иголках от роз и в противоречий. Этот человек, похожий на бандита, только что подавил меня цветами, а потом испугался за моё здоровье. Что, чёрт возьми, вообще происходит?

Наша школа находилась на окраине, в районе самого обычного, провинциального, частного сектора — бревенчатые дома семидесятых, кое-где обшитые сайдингом, в основном одноэтажные, с покатыми крышами. Редкие мансарды. Дорога до «пункта назначения» заняла минуты три.

Мы ехали молча. Я — в напряжённом ожидании развязки, он — странно сопел, будто надутый ёжик, которого что-то бесило.

Мы остановились у стандартного одноэтажного дома за железным забором. И моё сердце просто провалилось куда-то в сапоги. Возле забора стояла та самая машина, та «развалюха», на которой он чуть не сбил меня вчера.

Вот оно, истинное логово или склад конфиската.

Я вцепилась в ремень безопасности двумя руками. Что бы ни случилось, без боя не сдамся.

— Я быстро. Машину оставляю включённой, чтобы не замёрзла, — бросил он и выскочил наружу.

Эти пять минут ожидания показались вечностью. Мысли о побеге метались, как птицы в клетке. Бежать? Куда? По этому лабиринту заснеженных улиц? Так он меня нагонит за минуту. Стучаться в чужие дома? «Здравствуйте, я истеричка в оранжевом пуховике, спасите меня от человека, который... подарил мне три букета». Звучало как отрывок из дурного анекдота.

Николай вышел из ворот с каким-то свёртком в крафтовой бумаге, сунул его в пакет и направился к машине. Взгляд у него был хмурый, почти злой. Когда он сел за руль и швырнул пакет на заднее сиденье, тот с глухим стуком приземлился прямо на бедные лилии.

— А что в пакете? — вырвалось у меня. А вдруг там отрубленные пальцы за неуплату?

— Сало, — коротко бросил он, разворачивая машину. — засалю и тебе потом, кстати, дам.

— Посолишь... сало? — я не поняла. Это был какой-то код? Угроза?

— Да. Когда нервничаю, почему-то сало солю. Много сала. Потом его замораживаю, если не съедаем. — Он говорил, не отрывая глаз от дороги, абсолютно буднично. — Я вообще несколько вещей хорошо готовлю. Шашлык шикарно жарю, селёдку под шубой делаю и сало вкусно засаливаю. Поэтому там от друга свежее сало.

Я сидела, ошеломлённо уставившись на него, переваривая эту информацию. Какой-то странный бандит. Я украдкой посмотрела на пакет, который продолжал давить на цветы. И, странное дело, в этот момент я поверила, что там действительно просто сало.

Николай посмотрел на меня, потом на дорогу, снова на меня и улыбнулся простой ухмылкой..

— Вкусно у меня получается. Тебе обязательно потом дам, когда будет готово.

И в этот самый момент мой желудок издал громкое, предательское урчание. Настолько громкое, что его было слышно даже поверх шума двигателя.

— О, голодная, — констатировал он без тени насмешки. — Давай тебя накормим? В рольню заедем?

— Так там же надо заранее заказывать! — автоматически возразила я, помня правила нашего городка.

— Не, мне сразу дадут. Не переживай.

— Нет, нет, спасибо! — замахала я руками. — Ты меня высадишь у магазинчика, я быстренько куплю чего-нибудь и домой. Там поем.

Он посмотрел на меня оценивающе, пока мы стояли перед закрывающимся железнодорожным переездом.

— Ты же на свидание вроде собиралась, — напомнил он мягко.

Я затаила дыхание. Провал. Полный и окончательный.

— От... отменилось, — выдавила я. — Свидание. Мне домой надо. Соседка позвонила, говорит, дочка печалится, зовёт. Вот я и отменила.

— Надо же, как печально, что отменилось, — пропел он, и в его голосе явственно звенела ехидная, довольная нота. — А твоя дочка маленькая, да? Два с половиной годика? Милашка-куколка, наверное?

Я просто кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Этот «Антихрист» только что рассказал мне про засолку сала от нервов, предложил накормить, а теперь с неподдельным, как мне показалось, интересом спрашивал про мою дочь. Мир переворачивался с ног на голову, и я уже совершенно не по-

нимала, чего от него ждать.

Николай, к моему удивлению, не стал спорить. Он молча довез меня до ближайшего супермаркета, чем расстроил меня дико. Именно в этом маркете цены были на треть выше, чем в моей привычной «Берёзке». Он остановил машину у входа.

Он явно хотел продолжить разговор, но я уже открывала дверь, захлёбываясь благодарностями.

— Спасибо, Николай Александрович, что подвёз! Всё, всего доброго!

Я выпрыгнула из высокого салона, едва не споткнувшись, и, не оборачиваясь, засемила к стеклянным дверям. Я чувствовала его недоуменный взгляд на спине. Я остановилась перед входом, делая вид, что копаюсь в сумке, а сама краем глаза видела, как его чёрный внедорожник плавно тронулся и скрылся за углом.

Только тогда я выдохнула. Осмотрелась и быстро, почти бегом, пошла прочь от этого сияющего царства изобилия. Мне нужно было в «Берёзку». Там хлеб дешевле, там скидки на молочку по вечерам, и там моя зарплата учителя хоть как-то тянула на скромную корзину.

Путь занял минут десять. Я зашла в знакомый полумрак небогатого магазинчика, взяла корзинку и, сверяясь со списком в телефоне, начала методично выбирать самое необходимое: гречка, паста, куриные окорошка, молоко, яблоки. Всё по акции. Я так увлеклась подсчётом в уме, что не заметила, как за моей спиной выросла знакомая тень.

— Так вот куда тебе надо было, — раздался прямо над ухом низкий, спокойный голос.

Я вздрогнула так, что чуть не выронила пачку масла. Николай стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с таким выражением, в котором читалось и недоумение, и какая-то... досада.

Я не знала, что мне делать. Надо ли что — то объяснять или может испугаться? Он не стал ничего говорить. Просто шагнул вперёд, взял мою корзинку из ослабевших рук, поставил её на полку с макаронами, а потом взял меня за запястье. Не грубо, но так, чтобы не вырвалась.

— Пойдём.

— Николай, нет! Что вы делаете? Оставьте! — зашипела я, пытаюсь высвободиться, но он просто вёл меня прочь от полок, к выходу.

— Я сам знаю, что делаю. А ты молчи.

Он привёл меня обратно к своему внедорожнику, посадил на пассажирское сиденье (опять как куклу!), защёлкнул ремень и захлопнул дверь.

— Сиди. Не двигайся.

Я сидела в полном ступоре, не понимая, что он затеял. Я будто была парализована как кролик. Прошло пятнадцать минут. Он вернулся, неся в каждой руке по два огромных, туго набитых пакета. Он погрузил их в багажник, сел за руль, и мы поехали.

Я не произнесла ни слова. Просто смотрела в окно, чувствуя жгучий стыд и странную, сдавливающую грудь тяжесть. Я не была нищей! Я сама справлялась! Но эта наглая, грубая помощь... она почему-то не злила. Она парализовала.

Он довёз меня до моего обшарпанного дома. Заглушил двигатель.

— Я помогу донести.

— Нет! — наконец прорвалось у меня. — Я сама! Вы уже сделали слишком много!

— Я сказал — помогу, — и опять его тон и тембр парализовал меня и заставил подчиниться.

Он выгрузил пакеты, взял три самых тяжелых, оставив мне один самый лёгкий, и молча пошёл к моему подъезду. Я, покорная и оглушённая, побрела следом. Он донёс всё до моей двери, аккуратно поставил пакеты на пол.

Потом выпрямился, повернулся ко мне. Мы стояли в холодном, пахнущем сыростью подъезде, и тишина между нами была густой и тяжёлой.

Он посмотрел на меня. Взгляд уже был не колючим, не насмешливым, а пронизывал всей серьезностью ситуации.

— Маш, слушай. Я, наверное, криво всё это делаю. Пугаю тебя, давлю. — Он провёл рукой по лицу. — Просто... ты мне нравишься. Вот такая, вся колючая и в этом дурацком пуховике. Я не знаю, как это объяснить по-другому. И видеть, как ты юлишь, потому что у тебя не хватает на нормальную еду... Я не могу это просто так видеть. Поняла?

Я стояла, прижавшись спиной к холодной деревянной двери, и не могла вымолвить ни слова. Его признание било в уши, как тяжёлый, неожиданный удар. Ведь я ждала разборок, требования закрыть долг Вадика. Требования отрабатывать его долг. Но почему-то его признание казалось самым искренним, что я слышала за последние годы. Воздух в подъезде уже не казался таким холодным.

Он сделал шаг вперёд, сокращая и без того маленькую дистанцию между нами. Его рука медленно поднялась, чтобы коснуться меня. Кончики его пальцев двинулись к моей щеке, и в этот миг во мне смешались паника, стыд и какое-то дикое, запретное любопытство. Я замерла, не в силах пошевелиться.

И тут с треском распахнулась дверь напротив — та самая, за которой жила моя соседка Ольга Фёдоровна. И на площадку, как маленькая, заряженная ракета, вылетела моя милая Оксаночка. Уже одетая в свою розовую курточку, с бантами, которые Ольга Фёдоровна, видимо, старательно завязала.

Но она пронеслась мимо меня. Её восторженный взгляд был прикован к одной-единственной, самой большой и незнакомой фигуре в этом тесном пространстве.

Она с разбегу врзалась в Николая, обхватила его мощные, в трениках, ноги и, задрав голову, залилась звонким, радостным и абсолютно уверенным криком, который эхом разнёсся по всему подъезду:

— ПАПА! ПАПА, ПАПА! ТЫ ПРИЕХАЛ!

Время остановилось.

Рука Николая замерла в сантиметре от моего лица. Его

глаза, секунду назад такие серьёзные и сосредоточенные на мне, округлились от неподдельного, абсолютного шока. Он посмотрел на маленькую девочку, вцепившуюся в его ногу, потом резко перевёл взгляд на меня. В его взгляде мелькнула паника, полнейшая растерянность и немой вопрос, от которого у меня ёкнуло сердце.

Из открытой двери показалась Ольга Фёдоровна. Она не выглядела удивлённой. Она смотрела на эту сцену с тёплой, понимающей и чуть грустной улыбкой.

А я просто стояла спиной к своей двери, с пакетом в оцепеневшей руке, глядя, как моя собственная дочь, моя маленькая Оксаночка, дёргает за штанину человека, который только что признался мне в симпатии, и называет его самым главным, самым страшным и самым желанным словом из своего крошечного словаря.

Папа.

Глава 8

После того как лёгкий шок прошёл, Николай отвёл взгляд от повисшей на его ноге малышки и посмотрел на меня. В его глазах всё ещё читалась лёгкая паника, смешанная с чем-то... нежным? Нет, показалось.

— Маш, — голос низкий, спокойный. — Открой дверь. Я занесу пакеты.

Я наконец отмерла. Попыталась взять ситуацию в свои руки. Ну или хотя бы сделать вид.

— Нет, я всё сама, Николай Александрович. Можете идти. — Я протянула руку к Оксане: — Доча, пойдём. Отпусти дядю.

Но Оксаночка и не думала отпускать. Она вцепилась в его штанину с такой силой, будто от этого зависела её жизнь. И тут в разговор вмешалась третья сила.

— Машенька, ну не отказывай ты Николаю, — пропела Ольга Фёдоровна, выходя из двери и окидывая нас обоих таким взглядом, словно уже видела на свадьбе. — Он на самом

деле приятный и очень хороший человек. Добросовестный человек нашего города.

Повисла пауза.

Мы все замерли. Соседка — с улыбкой, Оксана — с восторгом, Николай — с лицом человека, который только что получил неожиданную характеристику, а я — с открытым ртом.

Добросовестный человек нашего города? Это он-то? Который в школе дрался, на тачках разъезжает как бандит, а теперь, видите ли, «добросовестный»?

Но я не успела ничего сказать. Николай вздохнул как-то устало, качнул головой, а потом просто подхватил Оксану на руки. Она взвизгнула от восторга. Он посадил её на сгиб локтя, и она, как маленькая, легкая пушинка, устроилась там, как на троне.

Я даже рта не успела открыть. А он уже ловко, одной рукой, перехватил все пакеты, включая тот, который был у меня в руке, и, не спрашивая, забрал у меня из пальцев ключи.

Аккуратно обогнул меня, заглянул в глаза мельком, но от этого взгляда у меня всё внутри перевернулось, и открыл

дверь.

Дверь, которую я обычно мучительно открывала минут десять, проклиная старый замок.

Она открылась за секунду.

Я стояла в коридоре, раскрыв рот. В одной руке у него сидела моя дочь. В другой — висели тяжёлые пакеты. Он ещё и ключи держал. И при этом умудрился открыть дверь без единого усилия.

Мой мучитель мотнул головой, показывая: «Проходи».

Я не двинулась с места. Я вообще забыла, как двигаться. Хорошо хоть дышала.

Он хмыкнул и зашёл сам в мою прихожую с Оксаной на руках, которая уже что-то радостно лепетала ему про свои игрушки.

Я медленно повернула голову к соседке.

Ольга Фёдоровна улыбнулась, подмигнула и сказала:

— Приятного вечера! Оксаночка вела себя превосходно,

я накормила её кашей. Всего хорошего, Машенька!

И удалилась.

Я осталась одна. В смысле не одна, у меня в квартире был он и мой ребёнок, и пакеты с едой, которую я не просила. Я поплелась за ним.

В голове всё перемешалось окончательно. Рэкетир? Бан-дир? Коллектор? Или, как сказала Ольга Фёдоровна, «добросовестный человек нашего города»? И что теперь делать?

Я зашла в прихожую и увидела картину маслом: огромный, накачанный, в татуировках мужик стоял в моём крошечном коридоре, придерживая пакеты, и слушал, как Оксана серьёзно рассказывает ему, что «коте Тимосе надо сметанки, он холосенький».

Николай кивал с абсолютно серьёзным лицом.

А после он окинул взглядом мою крошечную прихожую, прикидывая, куда бы приземлить пакеты, и, видимо, поняв, что вариантов нет, просто поставил их на пол. Я хотела протиснуться к нему, чтобы помочь, проконтролировать, сделать хоть что-то, но коридор у нас, мягко говоря, не рассчитан на габариты профессиональных культуристов.

А он уже снял с Оксаны ботинки. Посадил её на старенький пуфик, ловко, без суеты, будто делал это тысячу раз. И я вдруг остро осознала: он и делал. Женя, его племянник, был с ним с такого же крошечного возраста. Конечно, у него это отточено до автоматизма.

Я стояла, как вкопанная, и смотрела на эту картину. Внутри что-то сжалось в тугой, болезненный узел.

Сколько раз я корила себя за то, что не смогла дать Оксане полноценную семью? Сколько ночей я лежала без сна, перебирая в голове варианты «а что, если»? Даже после развода я не запрещала бывшему видеться с дочкой. Но он сам не стремился. Мы были в разных городах, и его звонки случались либо по пьяни, либо когда ему что-то было нужно от меня. Про Оксану он спрашивал в последнюю очередь или не спрашивал вообще.

А тут пришёл чужой мужик и за три минуты сделал то, что её родной отец не сделал за два года.

Оксана тем временем трещала без умолку на своём тарбарско-детском. Николай кивал, вставлял «угу», «ничего себе», «а он что?». Я понимала примерно каждое третье слово дочери. Он, судя по серьёзному лицу, не больше.

И в этот самый момент, когда я уже собиралась выдать из себя слова благодарности и хоть как-то объяснить за всю эту безумную ситуацию, зазвонил мой телефон.

Я глянула на экран. Незнакомый номер.

Потом — на Николая. Он смотрел на меня с каким-то странным, затаённым выражением.

— Что-то не так? — спросил он. — Отвечать будешь?

— Нет. Я с незнакомых номеров не беру.

Я соврала. Обычно я брала. Это могли быть родители учеников, коллеги, кто угодно. Но сейчас — не при нём. Потому что внутри меня теплилась крошечная, хрупкая надежда. А что, если он не тот, кого я напридумывала себе? Что, если он — просто дядя Жени? Просто бывший одноклассник? Просто... тот, кому я понравилась?

Николаю моего объяснения оказалось недостаточно. Он нахмурился, шагнул ко мне, просто взял телефон из моих рук и ответил на звонок.

Я не успела возмутиться. Да и при Оксане я бы всё равно не стала.

— Слушаю, — его голос стал ниже, спокойнее, в нём по-

явились стальные нотки. Пауза. — Да, она рядом. А кто её спрашивает?.. Мууууж? — он вскинул бровь, глядя на меня. — Вы что-то путаете. Она не замужем. Конкретно к ней какое дело?

Ещё пауза.

— Странно... Трубку бросил.

Он убрал от уха телефон, как ни в чём не бывало, и повернулся ко мне. Его лицо снова было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то тёмное.

— Ну что, мама Маша. Там в пакетах я тебе взял салатиков. Не знаю, какие они в этом магазине, надеюсь, съедобные. По виду и запаху нормальные. — Он кивнул на Оксану. — Дочка, я так понимаю, сытая. А тебе надо поесть. А, да, там ещё копчёная курочка, если готовить сил нет. Поешь, Маш.

Он сделал паузу. Посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание.

— Почему-то мне кажется, что мы с тобой друг друга недопоняли...

О Господи. Я закусила губу, отводя взгляд. Слова вываливались из меня комками:

— Я... мне кажется... я нафантазировала себе того, чего нет на самом деле...

Ведь нафантазировала же? Да? Про долги, про коллекторов, про то, что он бандит...

— Николай Александрович...

— Просто Коля. — отрезал он. Я сглотнула.

— Коя! Коя, коя! — Оксана, услышав знакомое сочетание звуков, мгновенно подбежала к нему и снова вцепилась в его ногу. Он обернулся к ней, и его лицо вдруг стало совершенно другим — мягким, тёплым, почти детским. Он улыбнулся, подхватил её на руки, и она повисла на нём, как маленькая обезьянка.

У меня внутри всё просто... расплавилось. Да что со мной не так?! Почему вид этого огромного, татуированного мужика с моей дочкой на руках вызывает у меня не страх, а какое-то дикое, неконтролируемое умиление? Я психопатка? Я сошла с ума?

— Мне надо ехать, — сказал он, осторожно передавая мне Оксану. — Жека дома один. Он у меня самостоятельный, но я его не оставляю надолго. — Он одной рукой понажимал на экране моего телефона, и у него в куртке что-то завибрировало в ответ. — Запиши мой этот номер. Это личный, его знают

только несколько человек. А тот, который у тебя записан в карточке по Жеке, — рабочий.

Он уже стоял в прихожей, натягивая свои странные кроссовки. Я только сейчас заметила, что они совсем не по погоде. И вообще он одет легко для такого мороза. А я стою, как дура, с ребёнком на руках, и пялюсь на его спину.

— Ну что, девчонки, — он распрямился, повернулся к нам. — Приятного вечера.

Он уже взялся за ручку двери, потом остановился, обвёл пальцем мою прихожую, обшарпанные стены, старый линолеум, скрипучую вешалку, и выдал:

— И это... готовься. Я тебе в этом месяце ремонт сделаю.

Потом он подмигнул. Сначала мне. Потом Оксане, помахаив ей рукой:

— Пока-пока!

И вышел.

Ремонт?! Что значит ремонт?! Кто тебя просил?!

Но дверь уже закрылась.

Оксана, проводив взглядом закрытую дверь, вдруг нахмурилась, дёрнулась у меня на руках, захныкала:

— Хочу Кою... домой... — И уткнулась мне в плечо.

А я стояла посреди прихожей, смотрела на дверь, за которой только что скрылся человек, перевернувший мой вечер с ног на голову, и тихо сказала:

— Я тоже, доча. Я тоже.

Глава 9

На удивление, Коля пропал. Целых два дня — ни звонка, ни сообщения, ни внезапного появления его чёрной «гробины» у школьного крыльца. Он просто испарился. Будто и не было тех трёх букетов, придавивших меня к сиденью, будто не похищал меня из раздевалки, будто не сидел на корточках в моей прихожей, снимая с Оксаны ботинки.

Вы спросите, почему я вообще ждала, что он будет меня «доставать»?

А потому что я за эти два дня прокрутила в голове миллион вариантов. Вариант первый: я ему правда нравлюсь, и тогда его молчание — это странно и обидно. Вариант второй: он всё-таки коллектор, и тогда его молчание — это подозрительно и страшно. Но когда я вспоминала тот его разговор по телефону с моим бывшим, его спокойный, стальной голос, фразу «она не замужем», то мне становилось так стыдно, что хотелось закопаться головой в подушку и не вылезать.

Дурочка, перекрутила, перенервничала. Выдумала себе бандита, а он просто... просто Коля.

Я потом полночи не спала. Лежала, смотрела в потолок и перебирала в памяти каждый эпизод: как он смотрел, как говорил, как сало это своё зачем-то притащил и букеты. Господи, эти три дурацких, огромных, прекрасных букета, которые до сих пор стояли у меня в вазах на кухне, в спальне и даже в прихожей. Их он потом ведь передал через соседку мне.

Даже Женя вёл себя странно. Притихший, задумчивый, он больше не бегал по классу, не дёргал девчонок за хвостики и не прятал тетради. Он просто сидел за партой, поглядывал на меня с каким-то новым, изучающим выражением. Я бы сказала — хитрым. Ей-богу, этот второклассник смотрел на меня не как на учительницу, а как на... союзника? Подопытного кролика? Жертву заговора?

Что ему сказал дядя — оставалось только гадать.

А потом наступила пятница.

Конец рабочей недели. Дети, довольные и уставшие, разбежались по домам после третьего урока, оставив после себя тишину и гору фантиков от конфет. Я осталась одна в классе. Соседка сама позвонила и вызвалась забрать Оксану из сада, и я, неожиданно получив несколько свободных часов, решила... украсить окна.

Да, я знаю, до Нового года ещё почти месяц. Но мне хотелось праздника. Хотелось отвлечься, хотелось, чтобы в понедельник ребята зашли в класс и ахнули. И мы потом вместе доделаем все остальное, но начало можно положить уже сейчас.

Я влезла на подоконник и разложила вокруг себя оленят, шарики, сосульки, ёлочки из бумаги. Потянулась к самому верху окна, чтобы прикрепить гирлянду из снежинок...

И бросила случайный взгляд вниз, на школьную ограду. Там стояла его машина. Чёрный внедорожник, знакомый до последней царапины, припарковался у самого крыльца. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а потом пустилось в такой галоп, что я покачнулась.

В машине, кажется, никого не было. Пустое водительское кресло. Тёмные стёкла. Я замерла с оленёнком в руке, пытаюсь унять пульс. Абсолютно дурацкая ситуация: я стою на подоконнике, сжимаю бумажного оленя, а у меня коленки дрожат, как у школьницы на первом свидании.

И тут я поехала вниз. Нога соскользнула с гладкого пластика. Я взмахнула руками, олень полетел в одну сторону, снежинки — в другую, и я уже мысленно попрощалась с коп-

чиком и остатками учительского достоинства, когда...

Меня поймали.

Сильные руки подхватили меня за талию, развернули в воздухе и прижали к чему-то твёрдому, тёплому и очень, очень надёжному. Я открыла глаза и уткнулась носом в та-туированную шею, от которой пахло морозом, кожей и тем самым свежим ароматом, который уже поселился у меня в памяти.

— Ну какая же ты несуразная училка, — раздалось прямо над ухом. Нежное, ворчливое, почти родное. — Без меня — никуда.

Я подняла голову и встретила с серыми глазами, в которых плясали чёртики. Это был Коля.

Он стоял в моём классе, держал меня на руках, и на его лице не было ни капли сожаления о том, что он подкрался ко мне и застал в позе неудачливого верхолаза.

— Ты... — выдохнула я. — Ты пропал.

— Я не пропал, — он чуть качнул головой. — Я готовился.

Я моргнула.

— К чему?

Он медленно, открыто, чуть смущённо улыбнулся. И я вдруг поняла, что никогда не видела, чтобы этот суровый, накачанный, татуированный мужик смущался. Это было... невероятно.

— К разговору, — сказал он просто. — Нормальному. Без твоих панических атак, без моих дурацких букетов, без недопонимания. Я за эти два дня, Маш, столько всего перебрал в голове...

Он сделал паузу, всё ещё не выпуская меня из рук. Я, кажется, даже не думала возмущаться. Мой мозг, наконец, окончательно завис.

— И знаешь, — продолжил он тихо, — я понял одну вещь. Я, может, в школе ничего не понимал, уроки прогуливал, двойки получал. Но сейчас мне тридцать, у меня свой бизнес, я растил пацана с пелёнок и, кажется, неплохо справился. И я точно знаю, чего хочу.

Он посмотрел мне в глаза так, что у меня перехватило дыхание.

— А хочу я тебя в моей жизни, Маша Иванова. И твою

рыжую дочку, и этот твой дурацкий оранжевый пуховик, и даже соседку твою, которая на меня уже, кажется, свадебный костюм шьёт. Хочу, чтобы ты перестала бояться и выдумывать всякие ужасы. И чтобы разрешила мне наконец за тобой ухаживать. По-настоящему.

Тишина в классе стала звенящей. Где-то за окном каркнула ворона. Бумажный олень сиротливо лежал на полу. А я смотрела на Колю и чувствовала, как внутри меня тает что-то большое, холодное и очень тяжёлое, что я носила в себе долгие годы.

— Ты, — мой голос прозвучал хрипло, — ты идиот, Колотов.

— Знаю, — он улыбнулся. — Но ты меня уже таким прими.

Я выдохнула. И улыбнулась в ответ.

— А если я скажу «нет»?

— Не скажешь.

Нахал! Но он прав.

— Может быть, опустишь меня на пол? — смущаясь от всего того, что он только что наговорил, попросила я. — Я думала, ты мне привёз сало. Как обещал.

— Ну, сало немножечко дольше делается, чем два дня, —

он виновато улыбнулся, но глаза остались тёплыми. — Обещаю: в середине следующей недели или к пятнице ты попробуешь самое вкусное сало в своей жизни.

— Ловлю на слове.

Я смотрела прямо в его глаза, как замороженный кролик, когда он аккуратно поставил меня на пол. Ноги почему-то всё ещё дрожали то ли от падения, то ли от его близости ко мне.

Коля быстро оглядел класс, почесал затылок и добавил уже куда менее уверенно:

— Ты не против, если я тебя сейчас до дома довезу? И ещё... я хотел спросить. Вы с Оксаной что планировали на выходные? Я Жеке обещал, что отвезу его в областной центр по кафешкам, магазинчикам, в игровые комнаты прошвырнуться. Вот думал... может, вы с нами?

Я приоткрыла рот. Вот это ух...Областной центр. Кафешки. Игровые комнаты.

Я не могла себе позволить ничего подобного с тех пор, как забеременела. Декретные, пособия, а потом и зарплата молодого учителя — всё уходило на самое необходимое. Оксана никогда не была в игровых комнатах. Её одежду мне отдавали знакомые, или я выкупала её на сайтах перепродажи

за смешные деньги. И, если честно, я даже гордилась этим: я находила вещи классных марок, почти новые, и дочка выглядела не хуже, а иногда и лучше детей из обеспеченных семей. И учеников своих я учила тому же — не стыдиться давать вещам вторую жизнь, быть экологичными, думать о планете.

Но сейчас дело было не в одежде.

— Николай... — я запнулась. — Всё так быстро закрутилось. Я даже не знаю, что сказать. Ты — родитель одного из моих учеников. Я — учительница Жени. Можем ли мы... позволять себе такое?

— А что мы себе такое позволяем? — хитро прищурился мой спаситель. — Я ничего противозаконного не предлагаю. — Он помолчал, давая мне время, и добавил мягче: — Можешь сейчас не отвечать. Давай я завтра позвоню часиков в девять? Ты наверное уже встанешь?

— Да, конечно. Встану.

— Ну и прекрасно.

Он обернулся на окно, на разложенные мной украшения, и усмехнулся:

— Так, ладно, горе-скалолаз. Давай я тебе с этим помогу, и мы поедem.

И помог. Всё, что я с моим ростом и отсутствием пространственного мышления делала бы, наверное, до ночи, он приладил за пятнадцать минут. Я только подавала и смотрела, как его татуированные руки аккуратно расправляют бу-
мажные сосульки. А потом мы поехали.

В машине он снова достал три букета. Но не стал бухать их на меня, как в прошлый раз, а просто протянул, смущённо пряча взгляд:

— Я так и не узнал, какие цветы ты любишь...

Я засмеялась и закрыла лицо руками:

— Господи, зачем?! Мне все цветы нравятся! Розы, конечно, безумно люблю по запаху, но... зачем? У меня ведь ещё те стоят!

Он посмотрел на меня как-то странно. В его взгляде было что-то такое... беззащитное. Будто он боялся, что если ответит глаза, то я исчезну.

— Я не знаю, почему, — сказал он тихо. — Просто хочется тебя радовать. А везде пишут: «Дарите женщинам цветы». Умная колонка тоже так сказала.

— Ну раз умная колонка, — засмеялась я, вдыхая аромат роз. — Прекрасные цветы. Спасибо.

Мы положили букеты назад и поехали. В пути говорили о школе, о знакомых, вспоминали странные, смешные моменты, и я вдруг поняла, как по-разному мы смотрели на одни и те же вещи тогда, в детстве. Я — глазами отличницы, он — глазами хулигана. Но теперь это было безумно интересно. А потом я заметила, что мы едем не туда.

— Ой! — я дёрнулась. — Куда мы?

Коля улыбнулся, глядя на дорогу:

— Хочу тебя покатасть. Если у нас есть чуть-чуть времени, чтобы побыть вместе.

А ведь и вправду в нашем маленьком городке посидеть, по сути, негде — только если в гости к кому-то, но я считала это неправильным. А кататься... Кататься было можно.

Мы ездили по заснеженным улицам, мимо старых домов и голых деревьев, и в машине было тепло, пахло цветами и его парфюмом.

Когда он подвёз меня к дому, я настояла, чтобы он припарковался подальше — не хватало ещё, чтобы соседи судачили. Мой бывший на такое всегда закатывал глаза и говорил, что я всё надумываю. А Коля просто кивнул и сделал, как я просила. Он не настаивал ни на чём. Просто смотрел, как я иду к подъезду с тремя букетами в охапке.

Я поскользнулась и чуть не упала, после резко обернулась. Коля уже открыл дверь машины, готовый бежать ко мне. Увидел, что я стою, целая, закрыл дверь и покачал головой. Я прямо видела, как он шепчет: «Несуразная».

Вечер был прекрасным.

Дома я накормила Оксану, искупала её, уложила. Сидела рядом, гладила по голове и мурлыкала себе под нос какие-то мелодии. В вазах на кухне, в спальне и в прихожей стояли цветы. Пахло розами и спокойствием.

Я думала о завтрашнем дне, о звонке в девять утра, о поездке. И тут зазвонил мобильный.

Я улыбнулась, не глядя на экран, уверенная, что это Коля. Может, передумал ждать до утра? Может, хочет услышать мой голос? Я нажала «ответить», прижимая трубку к уху.

— Ну что, тварь, веселишься?

Голос, от которого у меня похолодела кровь. Это был Вадик.

Я села на кровати, прикрывая рот рукой. Сердце, ещё минуто назад такое тёплое, рухнуло куда-то в ледяную пустоту.

— Ты думала, я тебя оставлю в покое? — его голос был пьяным, вязким, злым. — Думала, нашла себе нового? С тачкой, с бабками? Думаешь, он тебя защитит?

Я молчала, боясь дышать.

— Я просто хочу, чтобы ты знала, — он сделал паузу, и в ней послышался скрип снега под ногами. — Я смотрю на тебя. Всегда смотрю. Ты думала, я ушёл? Нет, милая. Я рядом. И эту вашу идиллию я разобью.

— Не смей приближаться к моей дочери, — выдохнула я, сжимая трубку так, что побелели пальцы.

— Ой, да что ты, — он усмехнулся. — Я к дочери не притронусь. Мне ты нужна.

Сброс.

Я сидела в темноте, глядя на погасший экран. В вазах на кухне, в спальне, в прихожей стояли розы. Они пахли так же прекрасно, как десять минут назад.

Но теперь их аромат казался мне ядовитым.

Глава 10

Неделю спустя

— Машка, куда ты пропала? Мы целую неделю с тобой не переписывались и не разговаривали! — трещала в трубку Наташа, моя подруга по несчастью и счастью одновременно.

Мы познакомились в роддоме, когда рожали в один день. Потом оказалось, что живём в одном микрорайоне областного центра, и наши коляски протоптали тропинку в парке. Обсуждали пелёнки, зубы, прикормы, и как-то незаметно стали лучшими подругами. Даже после моего развода и переезда мы не потерялись: соцсети, мессенджеры, звонки раз в пару дней. А тут — целая неделя тишины.

Если честно, я просто выпала из реальности. Летала где-то в облаках, таких пушистых и сладких, что возвращаться на землю совсем не хотелось. Мои ученики были на физкультуре, и я, улучив момент, устроилась в пустом классе, чтобы хоть немного потрещать с подругой по телефону.

В двух словах, конечно, не получилось. Я вывалила на неё всё: и про дурацкое первое впечатление с битой, и про три

букета, которыми он меня чуть не придушил, и про сало, и про то, как он снимал ботинки с Оксаны, и про его обещание сделать ремонт.

— Погоди-погоди, — перебила Наташа. — Ты приняла его за рэкетира? И как, интересно, он выбивал бы из тебя долг? Говоришь, симпатичный, накачанный?

— Наташ, я серьёзно! — зашипела я, но сама улыбалась как дура. — Я же спрашивала его: как так вышло, что он такой... ну, перекачанный, в татуировках, с серьгой в ухе? А он просто...

— Что «просто»? — подпрыгнула на том конце провода Наташа.

— Просто резко сменил тему и начал шутить про что-то другое. — Я вздохнула. — Если честно, не думаю, что там что-то криминальное. Может, и было в прошлом, но сейчас он создал вокруг меня такой защитный кокон из нежности и заботы, что мне даже не по себе.

Я помолчала, вспоминая, как он на прошлой неделе затащил меня в строительный магазин.

— Он даже заставил меня выбрать цвет обоев и пол в прихожей. Я отнекивалась, а он сказал: «Иначе я сам выберу,

привезу и сделаю без тебя». Представляешь?

— О, какой настырный! — захохотала Наташа. И тут же, понизив голос до заговорщицкого: — А вы уже того? Ну, сами знаете...

— Наташа! — я почувствовала, как щёки вспыхнули. В классе резко стало жарко, я даже расстегнула верхнюю пуговицу рубашки. — Мы... ну... целовались. Страстно.

— И-и-и? — подруга аж задохнулась от любопытства.

Я замялась. Конечно, я хотела его. Коля был воплощением мужской красоты и мужественности, а у меня давно никого не было. Но внутри сидел какой-то тормоз. Мы никогда не были одни — дети, работа, быт. А мне казалось, что это должно случиться не на бегу, не в машине, а как-то... правильно. С подготовкой, с уединением.

— Наташ, у меня стопор какой-то, — призналась я. — Мы же всегда с детьми. И мне кажется, что первый раз должен быть особенным. Не впопыхах.

— Ой, подруга, — Наташа хмыкнула. — С такими темпами ты до свадьбы не доживёшь. Остановили бы машину где-нибудь в тёмном пролеске, и вперёд! На него!

— Наташа!!! — зашипела я, но улыбка предательски растянула губы.

Мы ещё немного поболтали, она пообещала приехать познакомиться с «этим вашим рэкетиром», и я нажала отбой. Положила телефон на стол и уставилась в окно. Всё было... слишком хорошо. И это пугало.

Я опять работала в школе до самого вечера, мне было так удобнее. На улице уже потемнело, я переоделась и вышла из школы. И, конечно, он стоял у входа на территорию школы, прислонившись к своей огромной машине. В лёгкой куртке, несмотря на мороз, с какой-то небрежной, но дико притягательной уверенностью в каждой чёрточке.

Он увидел меня и улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня подкашивались колени.

— Привет, несуразная.

— Сам такой, — буркнула я, но внутри всё пело.

— Жеку забрала его тётя со стороны его отца, — сказал он, открывая передо мной дверь. — С Оксаной твоя соседка согласилась посидеть ещё пару часов. Я договорился.

Я замерла на полпути.

— Ты... договорился? С Ольгой Фёдоровной?

— Ага. Сказал, что хочу свозить тебя в одно место. Без детей. — Он смотрел на меня в упор, и в его серых глазах плясали те самые чертики, от которых у меня внутри всё переворачивалось. — Садись, Маш. Не бойся.

Я села.

Мы ехали молча. За окнами мелькали знакомые улицы, потом они кончились, и мы выехали за город. Сосны в снегу, пустая дорога. Я не спрашивала, куда мы едем. Просто смотрела на его профиль, на руки, лежащие на руле, и думала о том, что сказала Наташа.

Остановил бы машину где-нибудь в тёмном перелеске.

— Коля, — позвала я тихо.

Он повернул голову.

— М?

— А куда мы едем?

Он усмехнулся, сбрасывая скорость, и свернул на едва заметную дорогу, уходящую в лес. Через минуту мы остановились на въезде на небольшую поляну. Вокруг только сосны,

снег и тишина. Глухая, абсолютная, сказочная.

Он заглушил мотор и повернулся ко мне. Взял мою руку в свою, тёплую, большую, чуть шершавую.

— Маш, я понимаю, что ты всего боишься. Что у тебя был плохой опыт. Что ты привыкла сама со всем справляться. — Он говорил тихо, глядя мне в глаза. — Но я не он. Я не тот, кто тебя бросит или предаст. Я хочу быть с тобой. Не на бегу, не украдкой, а по-настоящему.

Я сглотнула. Сердце начало набирать сильный ритм.

— Я тебя не тороплю, — добавил он, чуть сжимая мои пальцы. — Если не готова, то скажи, и мы просто поедem обратно, съедим по пирожку и обсудим, какой выбрать линолеум.

Я не выдержала и рассмеялась. Сквозь слёзы, которые почему-то навернулись на глаза.

— Коля... ты невероятный.

— Я знаю, — серьёзно кивнул он и улыбнулся.

И я потянулась к нему сама.

Мы начали целоваться.

Это было похоже на то, как если бы снег за окном вдруг перестал падать, а время — идти. Коля посадил меня к себе

на колени — легко, будто я ничего не весила. В машине было тепло, пахло им, запахом, который я уже научилась различать с закрытыми глазами.

Мы целовались сильнее, глубже. Его руки расстегнули мою куртку, пальцы коснулись шеи нежно, но так, что у меня перехватило дыхание. Мне казалось, я сейчас просто растворюсь, улечу, исчезну где-то между его губ и этих тёплых ладоней.

И тут в кармане завибрировал телефон.

— Не отвечай, — выдохнул Коля мне в губы, не прекращая поцелуй.

— А вдруг это по поводу Оксаны? — я с трудом разлепила веки, пытаюсь сообразить, где у меня карман.

Я нащарила телефон. Экран светился именем: Ольга Фёдоровна.

Сердце замерло. На улице уже стемнело, а соседка никогда не звонила просто так.

— Машенька, извини, что беспокою, — голос у неё был какой-то... растерянный, но с улыбкой. — Тут такое дело... Приехал папа Оксаночки. Они сейчас гуляют на улице, я в окно поглядываю. Ты не предупреждала, что он должен приехать...

Внутри всё рухнуло в ледяную прорубь.

— Я сейчас буду, Ольга Фёдоровна. Присмотрите за ними, пожалуйста.

— Конечно, милая. Он такой приятный человек, — добавила она с какой-то дурацкой теплотой. — Жалко, что у вас не сложилось.

Я нажала отбой. Перебралась с колен Коли на соседнее сиденье — движение вышло резким, почти грубым.

— Нам нужно срочно домой.

Он ничего не сказал. Только сжал челюсть так, что на скулах заходили желваки, и резко вырулил с поляны.

Мы ехали в тишине. Я нервно теребила ремень безопасности, прокручивая в голове варианты: что Вадика нужно? Зачем он приехал? Почему именно сейчас?

За окном мелькали знакомые улицы. Мы проезжали мимо большого, красивого дома, который я уже знала как дом Коли. Он никогда не приглашал меня туда. Я спрашивала вскользь — он отвечал, что достраивает. И всё.

— Почему ты не хочешь поделиться тем, что у тебя про-

исходит? — вдруг резко спросил Коля. Голос был напряжённый, даже злой. — У тебя же проблема, Маш. Я вижу.

— Я просто не знаю, что сказать. — Я сцепила пальцы в замок. — У меня проблемы с бывшим.

— Я готов решить все твои проблемы. — Он бросил на меня быстрый взгляд. В нём было что-то твёрдое, почти стальное.

— Я попытаюсь сама. А если не получится — обращусь к тебе. Обещаю.

— Какая гордая, — усмехнулся он, но в усмешке не было веселья.

Мы почти подъехали к моему дому, когда телефон снова завибрировал. Ольга Фёдоровна:

— Машенька, он уже уехал. Всё хорошо, не волнуйся.

Я выдохнула, откинувшись на сиденье.

— Ну вот, — сказал Коля, паркуясь у подъезда. — Зря переживала. Сам уехал. Тебе не кажется, что ты слишком тревожишься?

— По-твоему, я накручиваю? — во мне что-то щёлкнуло. Усталость, страх, этот сорванный вечер — всё смешалось в один тугий комок.

— Ну, чуть-чуть да.

— Сказал тот, кто не хочет говорить о своём прошлом, — выпалила я, и слова понеслись, как санки с ледяной горки. — О том, откуда у тебя столько наколок. Сомневаюсь, что

там было что-то законное.

Он побледнел.

Я увидела это даже в тусклом свете фонарей. Губы сжались в тонкую линию. Он смотрел прямо перед собой, на тёмную улицу, и молчал. Секунду. Две. Три.

— Ладно, — наконец сказал он глухо. — Раз у нас вечер не задался, поеду-ка я дом доделывать.

Я молча открыла дверь и вышла. Даже не поцеловала на прощание, даже не посмотрела.

Он завёл мотор и уехал, даже не дождавшись, пока я зайду в подъезд.

Я стояла на снегу, сжимая в руках телефон, и смотрела вслед красным огонькам, тающим в темноте. Наша первая ссора. Надеюсь, последняя. Но внутри было гадко, потому что я ударила туда, куда не просили. А он закрылся. И теперь между нами выросла стена из несказанных слов и обид.

Я аккуратно, тихо постучала в дверь к Ольге Фёдоровне и зашла. У нас с ней это было нормально — без лишнего стука, без церемоний. В коридор выплыла она сама, в тёплых тапках и халате, и приложила палец к губам:

— Тсс... Оксаночка уснула. Ты даже не представляешь, как она наигралась с папой, — прошептала Ольга Фёдоров-

на, и у меня внутри всё перевернулось от слова «папа». — Оставь её у меня, родная. Завтра я её соберу и в садик отведу.

Я вздохнула. Оксана не первый раз оставалась у неё, и соседка действительно была золотом. Я сходила за пакетом с вещами для садика, пожелала спокойной ночи и выскользнула в коридор.

Своя квартира встретила меня тишиной, гулкой, тяжёлой, невыносимой. Без Оксаны здесь было слишком пусто. Я разулась, прошла на кухню, села за стол и уставилась в одну точку.

Телефон завибрировал. Опять незнакомый номер.

— Ну что, тварь, испугалась? — голос Вадика впился в ухо, как ледяная игла.

Я хотела сбросить, но не успела.

— А я сейчас у твоего любовничка, — продолжал он, растягивая слова. — Что мне с ним сделать? А может, поджечь дом вместе с ним? Чтобы не мешал, не стоял на моём пути.

— Вадик, не смей! — выдохнула я почему-то шёпотом, но в трубке уже были короткие гудки.

Руки затряслись. Я набрала Колю. Раз. Два. Пять. Десять

раз подряд. Не берёт.

Я набрала такси, кое-как оделась и вылетела на во двор. Водитель, узнав адрес, отказался везти до самой улицы. У нас таксисты всегда высаживали на границе города, дальше считалось «загородом». Я перевела деньги, выскочила и побежала.

Я бежала по тёмной дороге, проваливаясь в сугробы, хватая ртом морозный воздух. В голове билась одна мысль: успеть.

Дом Коли показался из-за поворота. Огромный, тёмный, но на втором этаже горел свет. Его машина стояла на месте. Я оглянулась — Вадика нигде не было. И это испугало ещё больше. Вдруг он уже внутри? Вдруг Коля лежит где-то без сознания? Вдруг...

Я подбежала к двери. Толкнула. Открыто.

— Коля! — закричала я, влетая внутрь. Тишина. Только музыка, глухо доносящаяся сверху.

Я рванула на второй этаж, перепрыгивая через мешки со стройматериалами, доски, коробки с техникой. Свет сочился из приоткрытой двери. Я распахнула её и влетела внутрь.

И замерла.

Кровь отхлынула от лица. Тело задрожало так, что я едва устояла на ногах.

В отличие от остального дома, эта комната была почти отделана. Большая кровать была почти застеленная. Рядом столик: два бокала, бутылка дорогого алкоголя, красивая тарелка с роллами и свечи. Всё как в кино про идеальное свидание.

А на кровати...

Николай лежал на спине одетый, но явно расслабленный. А на нём, сверху, сидела она полностью голая.

Длинные волосы, идеальная фигура, длинные ногти, губы бантиком. Я видела её в городе пару раз — местная светская львица, всегда ухоженная, всегда при параде. Сейчас она была без парада. Совсем.

Я успела заметить только одно: взгляд Николая. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было что-то... злое? Растерянное? Я не успела расшифровать.

— Извините... простите... — выдохнула я, запнувшись о порог и вылетела обратно в коридор.

А потом я бежала.

Я не помню, как вылетела из дома, как неслась по тёмной дороге, как проваливалась в сугробы и снова вставала. Я не чувствовала холода. Не чувствовала ног. Не чувствовала ничего, кроме огромной, чёрной, ледяной пустоты внутри.

Я бежала долго. Очень долго. Кожа на лице горела, потом онемела, потом снова горела. Я не знаю, на каком адреналине я добежала до дома. Не помню, как открыла дверь.

Я зашла в коридор. Встала перед зеркалом.

На меня смотрела опустошённая, красная от мороза и слёз, замёрзшая, чужая женщина. Волосы растрепались, глаза безумные, губы дрожат.

Я смотрела на себя и не узнавала.

А потом я заплакала.

Тихо, беззвучно, размазывая слёзы по замёрзшим щекам. Плечи затряслись, и я сползла по стене прямо на пол, в при-

хожей, обняв себя руками.

Зачем я туда поехала? Зачем я поверила? Зачем я... зачем он...

Телефон выпал из кармана и тускло светился на полу. Я смотрела на него сквозь слёзы и ждала. Ждала, что он позвонит. Объяснит. Скажет, что это не то, что я подумала.

Но телефон молчал.

А я сидела на холодном полу в прихожей и плакала. Потому что вечер, который начинался как сказка, закончился самой страшной явью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.